

Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра теории и истории государства и права

Философия государства Карла Шмитта

Выпускная квалификационная работа
студента 2 курса магистратуры 2 потока
группы № 030901
очной формы обучения
Кондурова Вячеслава Евгеньевича

Научный руководитель:
профессор, доктор юридических наук
Тимошина Елена Владимировна

Санкт-Петербург
2016 год

Оглавление

Введение.....	2
I. Генезис понятия «суверенитет».....	5
1.1. Аспекты политической власти.....	5
1.2. Учение о суверенитете Жана Бодена и Томаса Гоббса.....	11
II. Суверен и суверенитет в философии государства Карла Шмитта.....	15
2.1. Крайний (исключительный) случай.....	18
2.2. Чрезвычайное положение.....	19
2.3. Понятие политического.....	22
2.4. Решение.....	29
2.5. Фигура суверена и его характеристики.....	34
III. Деполитизация и нейтрализация. Конец эпохи государств.....	36
3.1. Критика правового государства в работах Карла Шмитта.....	39
3.2. Критика парламентского государства законодательства.....	44
3.3. Тотальное государство и тоталитаризм.....	52
3.4. Порядок больших пространств.....	59
Заключение.....	62
Список литературы.....	64

Введение

Государственная философия Карла Шмитта все чаще и чаще становится объектом пристального внимания, как в России, так и за рубежом. С каждым годом растет число публикаций, в которых предпринимается попытка осмысления наследия этой спорной фигуры немецкой правовой мысли. Так, с момента смерти Карла Шмитта число публикаций о нем выросло в десятки раз, а каждый месяц выходит еще две-три новые книги. И это касается не только стран Нового и Старого света, но также и стран Азии, Океании и др.¹

При всем при этом, нельзя сказать, что политико-правовая теория Карла Шмитта осмыслена в России на достаточно глубоком уровне. Серьезных исследований в российской науке существует не так много: всего было защищено 4 кандидатских диссертации, последняя из которых - в 2013 году.

Тем не менее, государственная философия Карла Шмитта представляет для отечественной правовой мысли и юридической практики непреходящий интерес. Так, взятый В. В. Путиным курс на построение так называемого «многополярного мира»² и основы, заложенные в «Стратегию национальной безопасности» могут быть существенно дополнены новыми аргументами исходя из теории международных отношений, развиваемой Карлом Шмиттом.

В тоже время проблема суверена, являющаяся одной из центральных в настоящей работе, представляет собой не просто проблему определения субъекта суверенитета, речь идет о самой настоящей мифологии, об онтологическом корне любой политической власти.³ Решить проблему суверена означает в этом смысле решить проблему власти вообще. Кроме того, понятие «суверенности» или «суверенитета» является ключевым в теории государства и права.⁴

---

¹Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня / Пер. с франц. С. Денисов. М., 2013 – С. 7.

²Стратегия национальной безопасности: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683// Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (ч. II). – Ст.212.

³Агамбен Дж. Номо Сасег. Суверенная власть и голая жизнь / Науч. ред. Д. Новиков. – М., 2011. – С.66.

⁴Дорофеев Д.Ю. Философско-юридические основания понятия суверенности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110 – С. 79.

Естественно, данная работа не претендует на окончательное и полное раскрытие «тайны власти», однако в ней предпринимается попытка решить несколько основополагающих проблем, которые лежат в основании политической теологии Карла Шмитта, центральной фигурой которой являлся суверен.

Во-первых, задачей настоящей работы является анализ основных элементов определения суверенитета Карла Шмитта, а именно: «решения», «крайнего случая» и «чрезвычайного положения» в связи с понятием «политического», с целью определить их политико-правовую природу. Важность рассмотрения именно вопроса о суверенитете в связи с философией государства Карла Шмитта связана с тем, что согласно учению немецкого юриста, именно суверенитет является одним из отличительных признаков государства. Помимо этого, сама постановка темы как «философии государства» означает «радикализацию»⁵ вопроса о государстве, т.е. обращение к его истоку, которым, согласно теории Карла Шмитта, является именно суверенитет как пограничное, политико-правовое понятие. Кроме того, безусловной научной новизной настоящей работы является рассмотрение критики Карлом Шмиттом правового государства и государства законодательства через призму «движения нейтрализации» и в контексте дискуссии о правовом государстве среди юристов Третьего Рейха. Наконец, в настоящей работе предлагается рассмотрение концепции «тотального государства», которое не получило освещения в отечественной литературе.

Для выполнения указанных задач были проанализированы основные вехи в становлении понятия суверенной власти в контексте католической мысли и в работах Томаса Гоббса и Жана Бодена, как мыслителей, наиболее повлиявших на становление государственной философии Карла Шмитта. Также была рассмотрена современная русскоязычная и зарубежная литература по теме диссертации.

---

⁵Хайдеггер М. Лекции о метафизике / Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкин. М., 2014. – С. 143.

I. Генезис понятия «суверенитет»

1.1. Аспекты политической власти

Этимологически слово «суверенитет», как пишет А.С. Леонов⁶, возводят к средневековому латинскому слову «*superanus*» (в значении «выше»). Впервые его можно найти в указанном значении в Большой реестровой книге аббатства Сен-Виктор. Постепенно, с проникновением в другие языки, термин меняет свое «сравнительное» значение. Так в 1283 году Филлип де Бонамур⁷ произносит свое знаменитое изречение: *cascuns barons est (sic) sovrains en se*

---

⁶Леонов А.С. Государственный суверенитет этимология и предыстория развития концепта / Государство и право Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014 г. №3(2). – С. 131.

⁷Филипп де Ремí, сьёр де Бомануар или просто Филипп де Бомануар (фр. Philippe de Rémi, sire de Beaumanoir, между 1247 и 1254—[7 января 1296](#)) - средневековый французский юрист. Один из первых теоретиков права во составитель одного из крупнейших сборников обычаев средневековой (кутюмы Бовуази)

baronnie. Примерный перевод этого выражения звучал бы следующим образом: «Каждый барон - суверен в своем баронстве (в смысле ленного владения (примечание мое. – В.К.))». Здесь слово «*sovrains*» уже начинает приобретать черты знакомого современной науке политического понятия, связанного с верховной властью, а не простого топографического «выше». Как полагает А.С. Леонов, развитие идеи государственного суверенитета, начавшееся в Средние Века, ведет свое начало с Дигест, авторство⁸ которых приписывается Прокулу.⁹ Там дается, по мнению автора,¹⁰ самое первое определение суверенного государства: «...*liber populus externus... is qui nullius alterius populi potestati est subiectus...*».¹¹

Что касается власти, то одним из центральных понятий политической философии было (и, в целом, остается) понятие власти. В Средние Века, как, впрочем, и в Римской Империи (республике), понятие «власть» мыслилось не моничным, но квадратичным, то есть разлагалось на 4 «аспекта»:

- а) *auctoritas* – власть-авторитет, власть-влияние, социально признаваемое превосходство, связанное, как правило, со знанием и мудростью;
- б) *potestas* – власть-мощь, власть-сила;
- в) *dominium* – власть-обладание, владение.
- г) *imperium* – власть-повеление¹².

Первые два, безусловно, являются ключевыми для понимания генезиса суверенной, государственной власти и политической власти вообще. Соответственно, на рассмотрении их следует сосредоточить свое внимание.

⁸В действительности, не известно Дигест, принадлежащих перу Прокула, однако отрывки из его сочинений, действительно, использовались в Дигестах и отрывок, о котором идет речь, как считается, взят у Прокула. Подробнее об этом: Ермолова И.Е. Отражение «варварской проблемы» в римских правовых памятниках // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2004, №14, С. 132-142. [Электронный ресурс] : Режим доступа : URL: <http://elar.uniur.ac.ru/jspui/handle/123456789/2579>

⁹Прокул – римский юрист середины I века, дал имя школе. Сведений о его жизни нет, а суждения о нём сейчас можно найти в небольшом количестве (179) отрывков из его трудов («*Epistolae*» и других, неизвестных по названию), помещенных в Дигестах.

¹⁰Леонов А.С. Государственный суверенитет этимология и предыстория развития концепта/ Государство и право Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014 г. №3(2) – С. 135.

¹¹В оригинале эта цитата звучит следующим образом «*Liber autem populus est is, qui nullius alterius populi potestati est subiectus*» и может быть переведена как «Свободный (независимый) народ есть тот, который никакого другого народа власти (господства) [не] подвергался».

¹²Во всяком случае, именно таким образом этот аспект трактуется доцентом философского факультета ВШЭ А.В. Мареем. Подробнее: Марей. А // Понятие власти в средневековой политической теории : ПостНаука. [Электронный ресурс] : Режим доступа: URL: <http://postnauka.ru/video/31677> (дата обращения: 06.05.2015).

Правомерность анализа государственной философии Карла Шмитта в том числе через призму именно этих двух понятий проистекает из того, в частности, факта, что их неоднократно в своих работах использовал сам немецкий юрист.¹³ *Auctoritas*, как свидетельствует¹⁴ Эмиль Бенвенист¹⁵, происходит от слова «*auctor*», которое, в свою очередь, возводится к латинскому *Augeo* («дополнить», «увеличить», «содействовать»). Таким образом, этимологически, *Auctor* – это «*qui auget*», тот, кто «увеличивает», «поддерживает» действие или юридическую ситуацию другого, тот, кто ее, если угодно, «утверждает», доводит до завершения.

Если же брать политико-правовой аспект значения этого слова, то, например, Теодор Моммзен описывает «силу» *auctoritas*, как «больше чем совет, меньше чем приказ»,¹⁶ - совет, который нельзя игнорировать. В Древнем Риме *auctoritas* принадлежит Сенату, о чем недвусмысленно свидетельствует Цицерон: *Cum potestas in populo auctoritas in senatus sit* («В то время как *potestas* принадлежит народу, *auctoritas* находится у Сената»).

В области частноправовой, категория *auctoritas* ассоциируется в основном с тем, что сейчас называют «опекой» (или «попечительством»). Эта власть персоны *sui juris*, отца семейства (*pater familias*) посредством формулы *auctor fio* давать правовую санкцию действиям подвластных ему лиц.¹⁷ Он как бы «поддерживает» их своим авторитетом.

В Риме, как уже отмечалось выше, *auctoritas* принадлежала Сенату (в формулировке *auctoritas patrum*). В этом смысле она четко отделяется от *potestas* магистратов. Подобно *auctor* в частноправовой сфере, *auctoritas patrum* ратифицирует и наделяет силой решения народных комиций.¹⁸ Ссылаясь на Т. Моммзена, Дж. Агамбен указывает, что «сенат не мог принимать решения без

---

¹³ Например: Schmitt C. *Constitutional Theory* / Translate Jeffrey Seitzer. Durham NC, 2008 – P. 182, P. 315, P. 459.

¹⁴ Бенвенист Эмиль. Словарь индоевропейских социальных терминов. М: Прогресс, 1995. – С.330.

¹⁵ Эмиль Бенвенист (27 марта 1902 – 3 марта 1976) — французский лингвист, структуралист и семантик.

¹⁶ Mommsen T. *Römisches Staatsrecht*. Leipzig, 1877. Vol.1. – S.731.

¹⁷ Агамбен Дж. *homo Sacer. Чрезвычайное положение* / Науч. ред. Л. Воропай. М., 2011. – С.118.

¹⁸ Там же. С.121.

предварительного обращения к нему со стороны магистратов и имел право лишь направлять запросы или давать советы» (ведь *consultum* – это технический термин для обозначения данной функции).

Исходя из проведенного анализа, становится очевидным, что само по себе *auctoritas* не самодостаточно, оно требует внешней деятельности, которая требует завершения, «легитимации».¹⁹ В этом смысле *potestas* и *auctoritas* при соединении образуют бинарную структуру юридического акта. Отвечая на вопрос об источнике *auctoritas*, Дж. Агамбен отмечает, что «*auctoritas* не имеет ничего общего с практикой делегирования полномочий (...). Действие, совершаемое актором, основывается вовсе не на юридически закрепленном полномочии выступать от лица несовершеннолетнего или неполноценного субъекта: оно легитимируется самим статусом отца как главы семейства».²⁰

Ссылаясь на Пьера Ноайя, он идет еще дальше и утверждает, что *auctoritas* «является врожденной прерогативой лица»²¹. Иными словами, *auctoritas* не имеет никакого правового основания своего действия, оно основывается лишь на себе самом и, в свою очередь, делает юридически значимыми действия иных лиц.²²

Potestas, в свою очередь, зачастую ассоциируется с действительной силой, мощью. В Риме, оно была прерогативой магистратов. В области частного права, оно также как и *auctoritas*, принадлежала отцу, однако выражалась скорее в тех реальных полномочиях, которые отец имел над сыном (например, *vitae necisque* – власть казнить и миловать). Ее также ассоциируют с военной (*military power*)

---

¹⁹□ Таковую точку зрения высказал еще Андре Магделен. Подробнее см.: Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение / Науч. ред. Л. Воропай. М., 2011. – С.119 и Magdelain, A. Ius imperium Auctoritas. Etude de droit Romain. / Magdelain, A. – Roma, 1990. – P.685.

²⁰□ Там же.

²¹□ Там же. С.120.

²²□ Это утверждение, возможно, справедливо для античного мира, где сама характеристика лица как «знающего» или «мудрого» была основанием его *auctoritas*. Однако, если взглянуть на политическую мысль Средних веков, то там основанием *auctoritas*, как впрочем и любой другой власти, все же был Бог.

и/или исполнительной властью.²³ В сущности же *potestas* означало физическую возможность сделать что-либо.²⁴

Французский социолог XX века, Роже Кайу (*Roger Caillois*), исследуя феномен власти, подчеркивал его двойственный характер, который, как будет показано ниже полностью соответствует выведенной выше дихотомии *auctoritas* и *potestas*. Анализ его доклада «Власть», прочитанного в Коллеже социологии в 1938 году, поможет еще более точно определить специфические черты каждой из названных составляющих суверенной власти.

Р. Кайу ссылаясь на работу «Уран-Варуна» Жоржа Дюмезиля (*Georges Edmond Dumézil*) пишет, что властная функция с самых древних времен «колеблется между двумя полюсами: один – религиозный (правосудие и магия, смешанные друг с другом), другой - военный».²⁵ Нетрудно заметить, что в такой интерпретации угадываются черты вышеописанной дихотомии. Но Роже Кайу выдвигает еще один важный тезис. А именно: бессилие *potestas* без *auctoritas*. И более того, первичный характер *auctoritas* как сущности власти как таковой: «очевидно, я в какой-то мере тороплюсь перевернуть общепризнанную истину, согласно которой, если люди из полиции заключают меня в тюрьму, то это потому что они сильнее меня. Но ведь именно власть создает полицию, а не полиция создает власть. Вооруженная сила без власти, без *авторитета* (курсив мой. – В. К.), которым она пользуется, имеет не больше смысла или возможностей применения, чем сила вулкана». Таким образом, верховная власть как таковая есть «институциональное соединение сакральной силы и военной

---

²³ См. Encyclopaedia Britannica.[Electronic resource]. Режим доступа: URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/446579/patria-potestas> (дата обращения: 06.05.2015).

²⁴ А.В. Марей в своей лекции посвященной понятию власти в средневековой политической теологии приводит пример, разграничивающий *potestas* и *auctoritas*: Согласно его аналогии, если у человека есть физическая возможность прочесть лекцию, то речь идет о *potestas*, а если еще и право прочесть ее (например ВАК присудил степень кандидата наук, то об *auctoritas*. Подробнее см.: Марей. А // Понятие власти в средневековой политической теории : Марей. А // Понятие власти в средневековой политической теории : ПостНаука. [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://postnauka.ru/video/31677> (дата обращения: 06.05.2015).

²⁵ Коллеж социологии / пер. с франц. Ю.Б. Бессоновой, И.С. Вдовиной, Н.В. Вдовиной, В.М. Володина. Под. ред. В.Ю. Быстрова. СПб., 2004. – С.116.

мощи»,²⁶ с первенством первого над вторым. «В первую очередь религиозная или магическая сила, а затем уже сила вооруженная».²⁷

Проведенный выше анализ двух ключевых для политической философии аспектов власти поможет в дальнейшем понять смысл и сущность суверенной власти.²⁸ Дихотомия *auctoritas-potestas* имеет решающее значение для всей политической мысли до самого Нового времени.

Так, столь известное противостояние короля (императора) и папы, по существу протекало именно в рамках этой дихотомии. Пожалуй, впервые она проявляется в конце V века, в письме папы Геласия I к византийскому императору Анастасию Первому.²⁹ В этом письме Геласий I пишет, что «существует два начала», две власти «которыми по праву верховенства управляется этот мир: святой авторитет (*sacrata pontificum auctoritas*) понтификов и царская власть (*regalis potestas*)». Светская власть по Геласию, таким образом, обладает властью над телами, но лишь церковь, как бы сказали в наши дни, «легитимирует» эту возможность, эту власть. *Potestas* без *auctoritas*, таким образом, обращается тиранией. «Светский правитель, лишенный поддержки Церкви, — король-еретик, тиран».³⁰

Папа Иннокентий III уже претендует на объединение *auctoritas* и *potestas*. Он пишет, что в пределах своих владений Церковь обладает и тем и другим. Бонифаций VIII, занимавший папский престол в 90-х годах XIII века, подхватывает эту мысль и развивает ее еще дальше. Для Бонифация VIII термины «*auctoritas*» и «*potestas*» уже имеют несколько иной смысл, чем для Геласия I. Для папы Бонифация VIII они представляют собой два элемента единого понятия *planitude potestatis* (что, в определенном смысле, прослеживается и у Иннокентия III). Поэтому, в своем письме к Филиппу IV Красивому, он настаивает, что Церковь обладает *potestas*, а светская власть —

---

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С.127.

²⁸ Подробнее см. гл. II настоящей работы.

²⁹ Антология мировой правительственной мысли : в 5 т. Т. II. Европа: V – XVII вв. / руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999. – С.167.

³⁰ Марей. А // Понятие власти в средневековой политической теории : ПостНаука. [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://postnauka.ru/video/31677> (дата обращения: 06.05.2015).

auctoritas. Но такую понятийную инверсию нельзя понимать в том смысле, что Церковь не обладает *auctoritas*, но следует понимать лишь в том смысле, что помимо него она обладает еще и *potestas*, т.е., иными словами, у Церкви есть вся полнота власти. Таким образом, синтез двух «аспектов» власти, который в дальнейшем привел к образованию понятия «суверенная власть», впервые произошел (во всяком случае, на догматическом уровне) именно в лоне Церкви.³¹

1.2. Учение о суверенитете Жана Бодена и Томаса Гоббса

Национальное государство сняло дуализм *auctoritas* и *potestas*, объединив их в виде государственного суверенитета.

Считается, что впервые о государственном суверенитете заговорил Жан Боден. Определение, которое он дает, звучит следующим образом: «Суверенитет – наиболее верховная, абсолютная и вечная власть над гражданами и подданными в государстве».

Как отмечает А.А. Соловьев, основным нововведением Жана Бодена было то, что он начал говорить о суверенитете государства, а не о суверенитете государя, превратил «суверенитет из набора правомочий собственника, господина над государством, в саму сущность государственности...», то есть сделал властителя лишь внешним выражением общегосударственного суверенитета. Такая точка зрения приводит к тому, что приходится констатировать суверенность порядка, потому как государство, согласно мысли

---

³¹Исключительно догматический уровень этого утверждения подтверждается, в частности тем, что в ответ на письмо папы, Филиппу IV созвал Генеральные штаты осудившие Бонифация в ряде преступлений(в том числе в ереси), и потребовали, чтобы папа предстал перед судом церковного собора. Так как Папа БонифацийIV, как этого и следовало ожидать, отказался добровольно предстать перед судом, Филипп IV послал в Италию Гийома Ногаре с отрядом, чтобы схватить Бонифация VIII и доставить его во Францию(показав, таким образом, у кого в действительности находится *potestas*). [7 сентября 1303](#) года войско во главе с Г. Ногаре и Скьяррой Колонна, осадило резиденцию папы в Ананьи. Когда БонифацийIV отказался сдаваться и отречься от папства, сказав, что «скорее умрет», С. Колонна якобы дал ему пощечину, не сняв с руки латную перчатку. Крах БонифацияVIII и его теории о верховенстве Церковной власти привел к т.н. периоду «авиньонского пленения пап». Подробнее об этом см.: Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.

Ж. Бодена, есть «правовой способ управления суверенной властью многими семьями и тем, что принадлежит им сообща». ³²

Тем не менее, как кажется, это утверждение не до конца соответствует истине. Вот что пишет о суверенитете сам Ж. Боден: «Я обозначил его (суверенитет) как вечный, потому что Суверен может дать абсолютную власть лицу или группе лиц на некоторый период времени, но это время истечет и они потеряют ее. Поэтому, даже пользуясь абсолютной властью, они не могут рассматриваться как подлинно суверенные правители, но лишь как агенты суверенного правителя, до тех пор пока королю или народу не захочется вернуть свой дар. Истинный суверен всегда остается держателем власти (...)». ³³ Очевидно, что в данном случае не может идти и речи о том, что безликий порядок обладает суверенитетом, даже несмотря на то что Ж. Боден определяет его как «неотъемлемый признак государства». ³⁴ Последнее говорит нам лишь о том, что государством является лишь то политическое единство, где есть суверен, но никак не о том, что государство обладает суверенитетом как таковое. Иначе бы весь смысл данного отрывка пропал. Так же как и пропал бы смысл разбора вопроса о наследственной монархии и переходе суверенитета по наследству, ³⁵ который проводит Ж. Боден. ³⁶

В тоже время, нельзя не признать истинным утверждение А.А. Соловьева о том, что власть перестает рассматриваться в терминах гражданского права, как отношение между рабом и господином или как владение, что было отчасти свойственно феодальному праву. Заслуга Ж. Бодена в таком случае состоит в

---

³² Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. Учебник. – СПб., 2007. – С.143.

³³ Bodin. J. Six book of the Commonwealth [Electronic resource]. – P.25.

Режим доступа: URL: http://www.yorku.ca/comminel/courses/3020pdf/six_books.pdf (дата обращения: 12.05.2015).

³⁴ Там же. P.24.

³⁵ «В случае же монархии суверенитет не может принадлежать лишь монарху, как одной конечной персоне, но должен, логично и всех наследников, что приводит к необходимости наследственной монархии». Там же С.25.

³⁶ Действительно, Ж.Боден пишет о том, что в случае наследственной монархии, суверенитетом обладает вся династия, однако это вполне соответствует еще средневековой политико-теологической концепции «двух тел короля». Подробнее об этом см.: Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю.Серегинной. М., 2013. – 744 с.

том, что он теоретически утвердил обособление специфической сферы публичной власти. Карл Шмитт указывает, что Ж. Бодену еще известна разница между *auctoritas* и *potestas*, и суверен для него обладает *potestas*.³⁷

Томас Гоббс (*Thomas Hobbes*; 1588—1679) уже не так четко разделяет понятие *auctoritas* и *potestas*. Так, описывая Левиафана, он, казалось бы, следует логике Жана Бодена и определяет его власть как *potestas* (*Non est potestas super Terram quae comparetur ei; Factus est ita ut non metuat; Videt sublimia Omnia infra sei et Rex est omnium filiorum superbiae*)³⁸, однако, в другом месте он уже пишет о нем, как об обладающем *auctoritas*.³⁹ Причем *auctoritas* Левиафана у Т. Гоббса, по мнению Карла Шмитта, уже означает скорее «*summa potestas*» и не более того. В этом смысле окончательное слияние двух аспектов власти в руках государства доктринально происходит только у Томаса Гоббса. Он «обращает *summa potestas* в *summa auctoritas*», что трактуется Карлом Шмиттом как «нейтральность» и «технический характер» государства.⁴⁰

Несмотря на то что Томас Гоббс прямо пишет о том, что «государство есть единое лицо (...). Тот кто является носителем этого лица называется сувереном»,⁴¹ Карл Шмитт указывает, что лишь сам правитель сравнивается с Левиафаном, именно «*rector*», «*governor*» является *homo artificialis*.⁴² И в этом смысле, К. Шмитт намного ближе к политической теологии Средневековья, чем к точке зрения Т. Гоббса.

Исходный пункт государственной философии Томаса Гоббса – это страх перед естественным состоянием, где происходит «война всех против всех». По существу, эта «война всех против всех» представляет собой не более чем неупорядоченное движение индивидов к благу, ведь основанием естественного

---

³⁷ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В.Кузницына. СПб., 2006 – С.170.

³⁸ Там же. С.128.

³⁹ Там же С.169.

⁴⁰ Там же С.170-171.

⁴¹ Томас Гоббс Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] : Режим доступа:

URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html (Дата обращения: 06.05.2015)

⁴² Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В.Кузницына. СПб., 2006 – С.127 и С.154.

состояния является равенство людей в силе и разуме, а значит и в представлении о благе. А если все желают единого, чем не могут обладать вдвоем, каждый каждому становится врагом, конкурентом. В государстве же царит мир и покой именно в силу упорядоченности.

Государство Томаса Гоббса создается путем договора каждого с каждым, предметом которого является отказ от своей свободы. Дж. Агамбен⁴³ при разборе генезиса государства у Т. Гоббса, однако, несколько меняет точку зрения и сосредоточивается на том, что основание суверенной власти государства не только и не столько в отказе граждан поступиться своими «естественными правами», сколько в том, что они сохраняются у суверена.⁴⁴

Таким образом, становится очевидным, что суверенитет Т. Гоббса здесь сливается с естественной свободой индивидов в фикции «естественного состояния». Это с логической неизбежностью приводит к выводу о том, что в самом средоточии государства, в его основании, ситуация «естественного состояния» сохраняется.

Томас Гоббс, подобно Ж. Бодену, определяет суверена через некоторую совокупность полномочий. Было бы неправильным рассматривать этот список как исчерпывающий, скорее это просто те полномочия, которые обязательно должны присутствовать у лица, чтобы оно могло считаться обладающим суверенной властью.

---

⁴³ Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Науч. ред. Д. Новиков. М., 2011. – С.119.

⁴⁴ Это не до конца соотносится с точкой зрения Томаса Гоббса, потому как приводит Дж. Агамбена к выводу о том, что власть суверена зиждется не на договоре, но она позволяет несколько под другим углом взглянуть на природу суверенной власти.

II. Суверен и суверенитет в философии государства Карла Шмитта

Если раньше, как уже было показано, суверен определялся через сумму полномочий, то Карл Шмитт радикально меняет ракурс рассмотрения проблематики. Он пытается определить вопрос о субъекте суверенитета через призму «исключительного случая» (*Ernstfall*) и чрезвычайного положения.

К. Шмитт пишет: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении».⁴⁵ Суверенитет в рамках данной дефиниции становится «предельным понятием». Это означает, как пишет сам К. Шмитт, что суверенитет - это не «смутное понятие [...], но понятие предельной сферы».⁴⁶ Из чего, соответственно, делается вывод, что и дефиниция суверенитета должна быть привязана «к крайнему случаю».⁴⁷

«Предельное понятие» в оригинале выглядит как «*der Grenzbegriff*»⁴⁸. Это термин неокантианской марбургской школы, который означает не просто некоторую границу, но предел возможных определений, неисчерпаемую задачу познания.⁴⁹ Таким образом, Карл Шмитт делает в своем роде двойной намек:

А) Гносеологический: суверен непознаваем исключительно «юридическими» методами (в том смысле, в котором говорил о «чистой юриспруденции» Ханс Кельзен). И в этом смысле такое словоупотребление не случайно и является звеном в полемике Карла Шмитта и Ханса Кельзена.

Б) Политико-теологический: понятие «*Grenzbegriff*» является посылкой определения суверена через аналогию божества в рамках главной дефиниции политической теологии: «все точные понятия современного учения о

---

⁴⁵ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С. 15.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Schmitt C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. Berlin., 2004 – S.13.

⁴⁹ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С.317.

государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия»,⁵⁰ что, в свою очередь указывает и на позицию суверена по отношению к правопорядку. Суверен, как пишет Карл Шмитт далее, «стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему».⁵¹

Такое определение положения суверена вполне вписывается в общие рамки политической теологии. С точки зрения главной дефиниции политической теологии, приведенной выше, суверен представляется политическим аналогом божества. Эта точка зрения, в свою очередь, находит свое отражение в общей истории развития представлений о верховной власти.⁵² Майстер Экхарт писал, что «Бог создает мир теперь точно так же, как Он делал это в первый день сотворения мира». Бог является, таким образом, постоянно присутствующим «*arche*» мироздания. Анализируя понятие «*arche*» Дж. Агамбен возводит его к двум основным значениям: к «истоку», «началу» и к «повелению». Так, глагол *archo* означает одновременно «начинать», и «повелевать», «быть главой».⁵³ Книга Бытия «...открывается фразой: "*En arche*, в начале сотворил Бог небо и землю", но — как мы тотчас же прочитываем — он сотворил их повелением, то есть императивом (*gemthetd*): «И сказал Бог: да будет свет». Точно так же — в Евангелии от Иоанна: "*En arche*, в начале был Логос, было Слово"; но ведь слово, которое оказывается в начале, прежде всех вещей, может быть лишь повелением. Я полагаю, что более правильным переводом этого знаменитого зачина могло бы быть не "В начале было Слово", но "В повелении — то есть в форме приказа — было Слово».⁵⁴ Исток не только повелевает самым рождением как таковым, но также и развитием. «Исток никогда не прекращает начинать, то есть повелевать и управлять тем, что он вызвал к бытию. Это подтверждается в теологии, где Бог не только сотворил мир, но и правит им, и непрестанно управляет им посредством непрерывного

⁵⁰ Там же. С.57.

⁵¹ Там же. С.17.

⁵² Подробнее об этом см.: Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю.Серегиной. М., 2013. – С. 744.

⁵³ Агамбен Дж. Что такое повелевать? / Пер. с итал. Б. Скуратова. М., 2013. – С.23.

⁵⁴ Там же. С.24.

творения».⁵⁵ «*Arche*» пребывает скрытно действующим в том, чему оно дало начало. Это положение подтверждается не только теологией, но и философией. Так, понятие «начала» у Мартина Хайдеггера всегда актуализировано в настоящем. Начало не может относиться к прошлому, но всегда обуславливает, «повелевает» настоящим.⁵⁶

Обратимся теперь непосредственно к анализу определения субъекта суверенитета.⁵⁷ Прежде чем заняться определяемым понятием (суверен) следует сначала разобрать понятия, через которые он определяется (чрезвычайное положение и решение), а также понятие, которое неразрывно с ними связано (крайний (исключительный) случай).

2.1. Крайний (исключительный) случай

Понятие крайнего (исключительного) случая – это характеристика такой ситуации, которая не описана и принципиально не может быть описана по своему фактическому составу в рамках «нормальной ситуации», т.е. посредством всеобщей нормы, «ибо всеобщая норма, как ее выражает нормально действующая формула права, никогда не может в полной мере уловить абсолютное исключение». В этом смысле исключение для Карла Шмитта имеет и гносеологическую ценность. С его точки зрения всеобщее можно понять только через определение абсолютного исключения: «нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению».⁵⁸ В исключении содержится все то, чем по существу является правило, и само правило имеет смысл лишь благодаря исключению, и если нельзя понять и объяснить исключение, то невозможно понять и всеобщее.

---

⁵⁵Там же. С.26.

⁵⁶Там же. С.27.

⁵⁷Здесь и далее термины «суверен» и «субъект суверенитета» употребляются как тождественные.

⁵⁸Там же. С. 29.

Исключительный случай в рамках политико-правового рассмотрения вопроса о суверене может быть в самом общем виде определен как угроза существующему политическому единству и действующему правопорядку. Примерами такой ситуации могут быть война, революция и так далее.

Из всего вышесказанного следует, что невозможно, с ясностью, которая бы позволила подвести его под всеобщую норму указать, когда наступает исключительный случай. Это, в свою очередь, приводит к выводу о том, что невозможно определить и содержание крайнего случая, а следовательно, и четко определить компетенцию с точки зрения нормально действующего правопорядка. «Предпосылки и содержание компетенции здесь необходимым образом неограниченны».⁵⁹ В этом смысле суверен не просто «принимает решения о чрезвычайном положении», как это указано в изначальной дефиниции, но и *de facto* принимает решение о том, наступил ли вообще «крайний случай», и одновременно решает вопрос о средствах его преодоления.⁶⁰ Всеобщая норма не может уловить этот крайний случай, потому что «не существует нормы, которая была бы применима к хаосу».⁶¹ Иными словами для применения любой всеобщей нормы должна быть создана такая ситуация, «в которой могут действовать формулы права», нормальные условия жизни.

2.2. Чрезвычайное положение

Обратимся к следующему элементу определения. Чрезвычайное положение есть, исходя из вышесказанного, последствие наступления крайнего случая. Чрезвычайное положение здесь не обозначает какое-то чрезвычайное постановление, осадное положение, режим контртеррористической операции и так далее. Не является оно и какой-либо полицейской мерой, исключительным

---

⁵⁹ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С.17.

⁶⁰ Аллен де Бенуа. Карл Шмитт сегодня / Пер. с франц. С. Денисов. М., 2013 – С.121.

⁶¹ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С.26.

полномочием или актом. Оно «включает принципиально неограниченное полномочие, то есть приостановление действия всего существующего правопорядка [...] в силу, как принято говорить, права на самосохранение».⁶² Нельзя, однако, понимать чрезвычайное положение как ситуацию «хаоса». Порядок сохраняется в силу наличия прямой регулирующей суверенной власти. От него «отпадает» лишь «право». «Существование государства доказывает здесь на деле несомненное превосходство над действием правовой нормы. [...] Два элемента понятия «право-порядок» здесь противостоят друг другу и доказывают свою понятийную самостоятельность».⁶³

В связи с вышеописанным следует констатировать следующее: если суверен принимает решение о введении чрезвычайного положения, он, следовательно, принимает решение и об отмене чрезвычайного положения, т. е. восстанавливает правопорядок. Если суверен «останавливает правопорядок» и действует в ситуации юридической пустоты, то только в его силах восстановить функционирование правопорядка. Если в его компетенции принимать решение о том, когда наступает «крайний случай», то в его же компетенции находится и принятие решения о том, когда «крайний случай» преодолен. Таким образом, решение не только отменяет правопорядок, но и является его основанием. С позиций теории К. Шмитта чрезвычайное положение видится как состояние, не просто предшествующее правопорядку как таковому, но являющееся его скрытым существом, которое высвобождается в случае его приостановки. Чрезвычайное положение присутствует в правопорядке постоянной потенциальностью, а решение суверена актуализирует его в интересах «общего блага».

Дж. Агамбен трактует чрезвычайное положение как политико-правовую пустоту, «аномию»⁶⁴ и отрицает возможность его определения через полноту власти. В действительности же, полнота власти и «аномия» не взаимоисключающие понятия, но, напротив, взаимообусловленные. По

---

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение / Науч. ред. Л. Воропай. М., 2011. – С. 102.

существованию, решение, наделяющее абсолютными полномочиями, есть то же самое, что и решение, останавливающее правопорядок. Правопорядок перестает действовать в тот момент, когда у некоего лица или группы лиц появляются полномочия, выходящие за границы правопорядка, – полномочия, которые не регулируются правом, но которые создают право. Следовательно, остановка правопорядка и высвобождение абсолютной власти взаимообусловлены.

Особенно хорошо это видно на примере института *iustitium* и диктатуры. *Iustitium*, как пишет Дж. Агамбен, следует считать прототипом современного «*Ausnahmezustand*»,⁶⁵ то есть архетипом чрезвычайного положения. В случае, когда республике грозила опасность, Сенат принимал т.н. *senates consultum ultimum*, дающий консулам диктаторские полномочия для устранения чрезвычайной ситуации. В некоторых случаях, представляющих особую угрозу, сенат уполномочивал не только консулов, но и всех граждан «принимать меры, необходимые для спасения государства».⁶⁶

Относительно данного утверждения показателен приводимый Моммзеном в его работе «Римское государственное право» пример Сципиона Назика, который, видя, что консул отказывается действовать во исполнение *senates consultum ultimum* против Тиберия Гракха, бросился на последнего и убил его самостоятельно. Цицерон относительно этого случая пишет, что несмотря на то, что Сципион Назик был обычным гражданином, убивая Тиберия Гракха, он действовал как консул. В самом этом утверждении скрывается факт, что благодаря *iustitium* сама сфера публичного права *de facto* перестает существовать как нечто упорядоченное. Более того, с этого момента уже не существует четкого разделения на частное и общественное. С правовой точки зрения, *iustitium* представляет собой юридическую пустоту (аномию), в том смысле, что остановке подлежит не только судопроизводство, но и правопорядок в целом. Чрезвычайное положение в смысле *iustitium*

---

⁶⁵ Там же. С.67.

⁶⁶ Там же. С.68.

представляет собой аномию и пустоту только с правовой точки зрения, однако такой взгляд несколько не исключает полноту власти.

С учетом приведенного ранее анализа власти, можно сказать, что, определяя сущность суверенной власти через решение о чрезвычайном положении, Карл Шмитт выводит на первое место *auctoritas*, как элемент, ее определяющий. Свое подтверждение такое воззрение находит в том факте, что именно Сенату, обладающему *auctoritas*, принадлежала власть объявления *iustitium*. Естественно, это не означает, что К. Шмитт лишает суверена *potestas*, последний все еще им обладает, но им обладает и чрезвычайный магистрат (например, диктатор). Однако, как убедительно показывает немецкий юрист в своей работе «Диктатура», чрезвычайный магистрат не обладает суверенной властью, являясь лишь представителем суверена.

Таким образом, именно в пределах *auctoritas* лежит возможность объявления чрезвычайного положения и остановки права.

II.3. Понятие политического

Далее, чтобы понять специфическую сущность решения необходимо обратиться к понятию политического, потому что именно в его рамках решение как таковое получает свое дополнительное значение и, как будет показано далее, раскрывается с совершенно иной стороны.

Задачей, которую поставил перед собой Карл Шмитт, является выявление сущности «политического», или, как верно уточнил в «Замечаниях к понятию политического» Лео Штраус, установление «специфики»⁶⁷ «политического». Решается она путем поиска специфического для проблемного понятия «последнего различия», самостоятельного по отношению к другим областям человеческого мышления. В области морального такие последние различия суть «доброе» и «злое», в эстетике – «красивое» и «безобразное» и так далее. Исходя

---

⁶⁷ Хайнрих М. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. А.В. Михайловского. М., 2012. – С.114.

из этих примеров Карл Шмитт выдвигает тезис, согласно которому «специфически политическое различие [...] – это различие друга и врага».⁶⁸

Указанное «различие» не означает просто некую конфликтную ситуацию как смысл «политического», но «обозначает высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации». Таким образом, любой конфликт, любая предметная область – экономическая, эстетическая, этическая и т. д. – могут войти в область политическую в случае, если интенсивность конфликта возрастет до уровня различия друга и врага. «Всякая противоположность - религиозная, моральная, экономическая или этническая - превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов».⁶⁹

Типичным примером такого рода интенсивности конфликта является «класс» в том смысле, которые придает ему марксизм. Будучи чем-то изначально исключительно экономическим, «класс» переходит в сферу «политического», когда «принимает всерьез классовую "борьбу", рассматривает классового противника как действительного врага и борется против него...».⁷⁰

Важно отметить, что понятия друг и враг не должны восприниматься в субъективном смысле, речь не идет о некотором психологическом отношении. «Друг» и «враг» - это всегда публичный «друг» и враг». «Политического» врага необязательно ненавидеть, он может быть прекрасен, морален, добр и так далее, но будет оставаться публичным врагом, т.е. врагом народа и государства. И это служит доказательством понятийной самостоятельности «политического» даже с учетом отсутствия у него своей специфичной предметной области, потому как «политическое» отвечает не на вопрос «что?», а на вопрос «как?» или, если угодно, «насколько?». Ведь «политическое» - это только «степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей»,⁷¹ у которых могут быть совершенно любые мотивы.

---

⁶⁸ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова. М., 2016. – С. 301.

⁶⁹ Там же. С.312.

⁷⁰ Там же. С.313.

⁷¹ Там же. С.313.

«Враг есть только публичный враг, ибо все, что соотнесено с такой совокупностью людей, в особенности, с целым народом, становится, поэтому, публичным».⁷² Иначе говоря, «политический враг» - это враг политического единства, т.е. государства.

Некоторые исследователи полагают, что понятие «врага» предполагает направленность на его полное уничтожение.⁷³ С одной стороны, уничтожение врагов на войне предполагается, но с другой стороны понятие «враг» предполагает не конкретных людей, но, как уже было сказано, «публичного врага», то есть, в том числе некоторую совокупность. Следовательно, утверждение, согласно которому понятие «врага» в терминологии Карла Шмитта предполагает направленность на его уничтожение приводит к мысли о том, что немецкий юрист был сторонником геноцида. В действительности же Карл Шмитт указывает на то, что целью войны является мир, а враг – это тот, кто должен быть побежден, а не уничтожен. Уничтожение «публичного врага» возможно в том случае, когда война ведется от имени «человечества», «мира», «справедливости» и так далее. За врагом в этой ситуации отрицается статус человека и война, следовательно, доводится до «крайней бесчеловечности».⁷⁴ В ситуации такой, как ее потом назовет Карл Шмитт, «дискриминационной войны» враг именно истребляется, а сама война приобретает характер полицейской операции направленной на то, чтобы наказать преступника. Не следует понимать в данном случае войну слишком узко, речь может идти и о внутреннем противостоянии. Когда некое политическое единство выступает от имени человечества, оно, тем самым, отказывает в человечности своему врагу,

---

⁷² Там же. С.304.

⁷³ Афанасьев. В.В. Карл Шмитт: из истории политической мысли [Электронный ресурс] : Режим доступа : URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Afanasev.pdf (дата обращения: 05.05.2016): «Особое внимание Шмитт уделяет понятию врага, который, по его мнению, не обязательно должен быть плохим, но в силу того, что он враг, его следует уничтожить».

⁷⁴ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.331.

делает преступником. Так, «истребление евреев от начала до конца понималось исключительно как полицейская акция».⁷⁵

Кроме того, война – это не правило, но исключение, о чем будет сказано несколько позже.

В то же самое время «враг» – это не просто противник или конкурент. Политическая противоположность – это не просто какая-то отдельная «степень интенсивности», но «самая крайняя»⁷⁶ ее степень. В своем радикальном выражении политическая противоположность выливается в войну, революцию и так далее. Понятие «врага», следовательно, предполагает объективную возможность реальной борьбы, которая не имеет ничего общего с дискуссией, конкуренцией, духовной битвой и так далее. Его следует понимать в «смысле бытийственной изначальности», то есть предполагать сопряженность с реальной возможностью физического убийства.

Лео Штраус небезосновательно увидел в этом аналог «естественного состояния» Томаса Гоббса.⁷⁷ Однако если в случае «естественного состояния» речь идет о борьбе каждого с каждым на уровне индивидов, то в случае политической вражды речь идет, как уже было сказано, о «публичном» враге, то есть о противостоянии некоторых общностей. Кроме того, если Томас Гоббс, как пишет Лео Штраус, «отрицает» естественное состояние, то Карл Шмитт его «одобряет».⁷⁸

Вкупе ведущей ролью «врага» в понятии политического Карла Шмитта, такое «одобрение» естественного состояния приводит многих авторов к точке зрения, что «понятие политического» принципиально завязано на вражде. В этом солидарны даже такие политические противники, как Юрген Хабермас⁷⁹ и

---

⁷⁵ Агамбен Дж. Средства без цели / под ред. С. Кудрявцева. Пер. с итал. Э. Саттарова. М., 2015. – С.108.

⁷⁶ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.305.

⁷⁷ Хайнрих М. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. А.В. Михайловского. М., 2012. – С. 137: «Одобрение политического – это одобрение естественного состояния».

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Хабермас. Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведев. СПб., 2001. – С. 323.

Гийом Фай. Последний пишет о том, что Карл Шмитт принципиально упускает роль «дружбы» в политических отношениях: «...для консолидации партии внешней вражды не хватит: в ней должна существовать бескорыстная дружба и общие взгляды».⁸⁰

С одной стороны, эти утверждения верны, ведь специфическим составляющим элементом политического является именно вражда, диссоциация, определение врага и борьба с ним, с другой стороны, Карл Шмитт постоянно подчеркивает, что война не является сущностью политического, это лишь наиболее радикальное ее воплощение. «Дело не обстоит так, словно бы политическое пребывание (*Dasein*) есть не что иное, как кровавая война, а всякое политическое действие – это действие военной борьбы».⁸¹ Война – это исключение, это не нечто нормальное, достойное одобрения или повседневное. Она не является некоторым идеалом. «Война – это вообще не цель и даже не содержание политики, но скорее как реальная возможность она всегда есть наличествующая предпосылка, которая [...] вызывает специфическое политическое поведение».⁸² Не является неким общественным идеалом и «политическое». Безусловно, Карл Шмитт одобряет «политическое». Но он «одобряет» его точно так же, как «одобряет» чрезвычайное положение или крайний случай.

Во-первых, «политическое», как и любое другое исключение имеет гносеологическую ценность, оно открывает «сердцевину вещей». Карл Шмитт не строит неких идеальных построений, он желает быть реалистом и потому учитывает возможность войны, пусть даже как исключение.

Во-вторых, «политическое» важно для него в контексте полемики с либерализмом. Либерализм, который пытается нейтрализовать вражду, превратить ее в дискуссию, в действительности не может избежать «политического». Даже если либерализм будет говорить исключительно о дискуссии или о внутригосударственной партийной борьбе, то это будет лишь

⁸⁰Фай Г. Археофутуризм / перевод с англ. Тамбов, 2011. – С.150.

⁸¹Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова. М., 2016. – С.308.

⁸²Там же.

означать, что интенсивность конфликта пока что не достигла уровня «политического».

И, наконец, как указывает в своей работе Лео Штраус, Карл Шмитт «одобряет политическое, поскольку в ситуации угрозы видит серьезность человеческой жизни, равно как и то, что ей угрожает опасность». Таким образом, Карл Шмитт одобряет опасность. «Одобрение опасности как таковой, - пишет Лео Штраус, - не имеет политического смысла, но имеет только нормативный, моральный смысл».⁸³

Таким образом, Л. Штраус сводит проблему «политического» к проблеме морального, устанавливает, как бы в противовес Карлу Шмитту, примат морального над политическим со ссылкой на то, что критикуя мораль, К. Шмитт критикует исключительно «гуманно-моральное»⁸⁴ ее понимание. Не отрицая возможности именно такой трактовки проблемы, все же следует обратить внимание на то, что моральная диада «добро-зло» не связана исключительно с «гуманной» моралью, но соответствует любому моральному представлению. Именно поэтому она специфически моральна, так же как и оппозиция «друг-враг» для «политического». В этом смысле Карл Шмитт, пусть даже критикуя некоторый конкретный вид моральных воззрений, устанавливает примат «политического» в абсолютном смысле для всех предметных областей человеческого мышления, потому что они все могут войти в область «политического» и привести к «серьезному повороту дел».⁸⁵

Следует понимать, что понятие «политического» для Карла Шмитта имеет полемический смысл. Это предполагает некоторую абсолютизацию и «радикализацию» понятия. Карл Шмитт, видимо, не стремится к выработке догмы, но полемизирует и, соответственно, абсолютизирует свои аргументы. Во

---

⁸³ Хайнрих М. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. А.В. Михайловского. М., 2012. – С.129.

⁸⁴ Там же. С.138.

⁸⁵ В данном случае этот оборот используется как цитата из «Понятия политического» Карла Шмитта. Этой формулировкой автор зачастую характеризует возникновение крайней степени «политического» напряжения. Например: Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.305 С.310, С.314.

всяком случае, именно такое следствие из «полемичности» понятия К. Шмитт делает при анализе воззрений Хуана Доносо Кортеса.⁸⁶

Разбирая его тезис об абсолютной греховности человеческой природы, Карл Шмитт пишет, что «когда он (Хуан Донос Кортес. – К. В.) говорит о природной склонности человека к злу, то это полемика с атеистическим анархизмом и его аксиомой о добром человеке; он имеет это ввиду *ἀγωνικῶς*, а не *δογματικῶς*⁸⁷». ⁸⁸ И именно этим объясняется абсолютный характер греховности.

Сам Карл Шмитт, отвечая на упрек в примате понятия врага, говорит, что «всякое движение правового понятия с диалектической необходимостью исходит из отрицания. В жизни права и в теории права включение негации – все что угодно, только не «примат» отрицаемого. Процесс как правовое действие становится возможным лишь тогда, когда право отрицается. Наказание и уголовное право в своем начале полагает не деяние (*Tat*), но злодеяние (*Untat*). Неужели мы его тоже назовем позитивным воззрением на злодеяние с приматом преступления?».⁸⁹

Карл Шмитт не является «беллицистом» и не воспекает войну. Он противопоставляет воинственному воззрению, согласно которому «у войны есть свой смысл, свое право и свой героизм в ней самой»,⁹⁰ воззрение политическое, которое заключается в том, что на войну смотрят как на осмысленный акт, цель которого – мир. С его точки зрения война – это только инструмент политики.

II.4. Решение

---

⁸⁶ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С.85.

⁸⁷ Полемически, <а не> догматически(греч.)

⁸⁸ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С.86.

⁸⁹ Scmitt C. Der Begriff des Politischen. :Duncker & Humblot; Auflage 1963. – S.14-15
Цит. по: Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. А.В. Михайловского. М. 2012. – С.11.

⁹⁰ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.414.

Рассмотрев «понятие политического», обратимся теперь к его связи с концепцией решения, которая имеет ключевое значения для характеристики фигуры суверена.

Как известно, слово «политический», как и слово «политика», произошло от греческого слова «полис» (*πόλις*). Еще одно слово, произошедшее от этого греческого термина, – слово «полиция». В своей статье 1936 года «Политика», Карл Шмитт пишет о том, что слово "полиция" означало в абсолютной монархии XVII и XVIII веков внутригосударственную деятельность»,⁹¹ т.е. то, что сейчас назвали бы «государственным управлением», тогда как непосредственно «политикой» называлась только внешняя политика.

Однако с началом внутригосударственной борьбы за власть между партиями и политическими движениями, на передний план выходит именно внутренняя политика и понимается она уже именно как политика, а не как государственное управление.

Очевидно, что различие между политикой и государственным управлением (полицией) лежит не в области исторического словоупотребления. Речь идет о принципиальном, качественном отличии одного от другого и связано оно с трактовкой «понятия политического» Карлом Шмиттом.

Как уже отмечалось выше, «политическим» может стать все что угодно, любая сфера человеческой деятельности чревата политическим. «Незначительный жест или фраза, безобидная песня или значок становятся политическими, как только попадают в зону борьбы воюющих противоположностей»,⁹² т.е. политическим может стать все, что угодно в том случае, если интенсивность вокруг этого предмета возрастет до политической диады «друг-враг». Как точно подмечает Гийом Фай, такое отграничение политики и государственного управления есть один из шагов в полемике Карла Шмитта с либерализмом, который путает «политику с управлением».⁹³

Государственное управление, как и право, призвано не допускать повышения интенсивности конфликта социальной жизни внутри государства до

---

91 Там же. С. 410.

92 Там же С.412.

93 Фай Г. Археофутуризм / перевод с англ. Тамбов, 2011. – С.151.

уровня «политического», потому что в случае возникновения такого напряжения внутри политического единства оно неминуемо начнет распадаться, а право и полиция служат его сохранению. Борьба партий внутри парламентского государства – это не политическая борьба до тех пор, пока она не достигла определенного уровня интенсивности. Диада «друг – враг», как это уже отмечалось выше, предполагает не просто конкуренцию, но противостояние на уровне экзистенции, когда один принципиально отрицает бытие другого.

Понимая борьбу партий и парламентаризм, как угрозу политическому единству государства, Карл Шмитт лишний раз подтверждает высказанную выше точку зрения. Потому как парламентаризм предполагает идеологическое многообразие, которое, в свою очередь, означает в том числе и наличие идеологий, принципиально отрицающих друг друга. А значит, растет и возможность роста напряжения с переходом в оппозицию «друг-враг», т.е. в область политического. Угроза политическому единству – это и есть «крайний случай», который был разобран выше.

Интересно, что, характеризуя следствие «политического» как «серьезный оборот дел», Карл Шмитт в оригинале использует следующее выражение «*das Bewußtsein des "Ernstfalles"*»,⁹⁴ которое с тем же успехом можно перевести как «осознание "крайнего случая"». То есть Карл Шмитт использует тот же самый термин, который в «Политической Теологии» переведен как «крайний (исключительный) случай». Следовательно, то, к чему приводит усиление интенсивности конфликта между публичными врагами, является «крайним случаем». Такое словоупотребление лишний раз подтверждает, что речь идет об одном и том же явлении.

Так как именно суверен принимает решения о наличии крайнего случая, то получается, что он же решает и вопрос о «друге-враге».⁹⁵ Это решение имеет

94[□] Scmitt C. Der Begriff des Politischen.: Duncker & Humblot; Auflage 7. – S.30

95[□] «Государству как сущностно политическому единству принадлежит *jus belli*, т.е. реальная возможность в некотором данном случае в силу собственного решения определить врага и бороться с врагом». Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова.. М., 2016. – С. 321.

двойную природу: политическую⁹⁶ и правовую,⁹⁷ но в первую очередь это именно политическое решение, принадлежащее праву постольку, поскольку оно есть основание правопорядка. Значит, правопорядок базируется именно на политическом решении, а не на правовой норме или столь же правовой мере.⁹⁸ И этот факт является главным доказательством примата политического над правовым, приматом государства как «основополагающего политического единства»⁹⁹ над правопорядком. Здесь, однако, следует иметь в виду, что несмотря на тот факт, что Карл Шмитт часто говорит о государстве, как о «политическом единстве», у которого есть некоторая «монополия на политическое», он, тем не менее, не смешивает между собой «политическое» и государственное. «Политическое» исторически и онтологически предшествует государству и даже если в определенный период истории они совпадают, это совершенно не означает, что они сущностно тождественны.¹⁰⁰

В итоге, так как суверен Карла Шмитта является пограничным понятием, одновременно принадлежащим двух сферам – политической и правовой – его можно рассматривать с двух сторон: с точки зрения понятия политического и с точки зрения права. В первом случае он является субъектом, принимающим решение о друге-враге от имени всего политического единства во имя его сохранения, а во втором – субъектом, принимающим решение о чрезвычайном положении, т.е. остановке действующего правопорядка в интересах его сохранения. Это решение суверена едино, оно располагает суверена на границе политического и правового миров. Принимая решение об остановке правопорядка, суверен высвобождает «стихию политического». Чрезвычайное

---

⁹⁶ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.412.

⁹⁷ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С.25.

⁹⁸ Подробнее о разграничении меры и нормы : Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Наука, 2016. – 570 с.

⁹⁹ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.314, С.319 и С.321.

¹⁰⁰ Там же. С.293-295 и Аллен де Бенуа. Карл Шмитт сегодня / Пер. с франц. С. Денисов. М., 2013 – С.157.

положение, следовательно, представляет собой «высвобождение» политического, что имеет ряд следствий:

- 1) Этот факт еще раз доказывает неточность воззрения Дж. Агамбена на чрезвычайное положение как на политико-правовую пустоту.
- 2) Если чрезвычайное положение является имманентно потенциально присущим любому правопорядку, то таковым является и политическое. Это, в свою очередь соответствует существованию политического, которое, как уже было сказано, может возникнуть в любой предметной области.

Суверен одновременно с решением об остановке правопорядка решает вопрос о фактическом составе крайнего случая, а следовательно, и о том, кто есть враг политического единства, какова угроза правопорядку. И это не в меньшей степени относится «к конституционному, гражданскому, правовому государству [...] чем к любому другому государству, а пожалуй, даже считается тут еще более несомненным, несмотря на все ограничения, налагаемые конституционным законом на государство», потому что конституция в конституционном государстве является «выражением существования самого государственно-гражданского общества. Так как атака идет именно на него, то и борьба должна решиться вне конституции и вне права, то есть силой оружия».¹⁰¹

И даже правовое государство,¹⁰² которое направлено на «устранение суверена»¹⁰³ и замену его на безличную всеобщую норму, не является лишенным суверена. Устранить суверена принципиально невозможно. Попытка применения всеобщей нормы к вопросу о компетенции в условиях чрезвычайного положения приводит к «сокрытию» фигуры суверена, которая актуализируется в ситуации крайнего случая. Она становится явной посредством принятия решения в том разрыве, который образуется между

---

¹⁰¹ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.322.

¹⁰² Понятие «правовое государство» употребляется здесь исключительно в том смысле, который вкладывал в него сам Карл Шмитт. Подробнее об этом: гл. III настоящей работы.

¹⁰³ Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. заключит. статья и составление А. Филиппова. М., 2000. – С.17.

порядком и правом. Это не столько произвольный акт реализации права, сколько актуализация в конкретном лице полномочия, не присущего изначально никакому иному лицу. Как уже было сказано выше, суверен, исходя из анализа главной дефиниции политической теологии, не может быть устранен из правопорядка и присутствует там, даже если формально констатируется, что правопорядок основан на всеобщей норме. Суверен не может быть устранен юридическими методами, так как сам по себе лежит не только в области права, но и в области политического. Он, в скрытой или явной форме, всегда присутствует в государстве, но проявляет себя в таком качестве, реализуя *auctoritas*. Речь идет не о какой-то конкретной фигуре, о естественном, физическом теле, но о некой абстрактной фигуре, функции, которая выражена в существе *auctoritas*.

II.5. Фигура суверена и его характеристики

С учетом того, что решение о чрезвычайном положении истекает из наличия у суверена *auctoritas*, следует попытаться вывести сущностные характеристики фигуры суверена. Необходимо определить, в частности, являлся ли Карл Шмитт сторонником теории «народного суверенитета» и, если шире, кому именно с его точки зрения может вообще принадлежать суверенная власть. Аргументы, проистекающие из существа *auctoritas*, указывают на следующее:

А) Народ не может быть сувереном, так как не обладает *auctoritas*, но лишь *potestas*, его верховенство есть лишь власть большинства, происходящая из обыкновенной силы количества.

Б) Народ не может быть сувереном в силу того, что *auctoritas*, приоритет которого в принятии решения о чрезвычайном положении и, как следствие, в суверенной власти, был доказан выше, является характеристикой, неотделимой от особенностей личности, или, как пишет Р. Кайуа, власть «является в высшей

степени личностной, и потому всему тому, что касается личности, она является индивидуальной и неделимой...».¹⁰⁴

Если суверенная власть «является в высшей степени личностной», то она, следовательно, может быть только единоличной.

Конечно, несоответствие понятия суверенитета и народа как его носителя отмечалось уже не единожды. Так, Виталий Иванов, опираясь на Карла Шмитта, в своей книге «К критике современной теории государства» связал внутреннюю противоречивость народного суверенитета с тем, что суверен не может ограничивать сам себя.¹⁰⁵ Однако это является старым, типичным для этатизма и, в общем и целом, лишенным какой-либо научной новизны, аргументом, который, кроме того, не затрагивает по существу саму характеристику суверенной власти в том виде, в котором ее видит Карл Шмитт. Такое возражение выдвигали многие противники демократии. И даже Рене Генон, лишенный юридического образования, высказал его глубже, связав невозможность народного суверенитета с тем, что «одно и то же существо в одной и той же ситуации не может пребывать одновременно в состоянии "акта" и "потенции"».¹⁰⁶

При всем вышесказанном нельзя упустить некоторого противоречия. Карл Шмитт во многих своих работах связывает суверенитет именно с народом. Так, в работе «Понятие политического», К. Шмитт пишет, что именно народ «в силу собственного решения [...] определяет, в чем состоит его независимость и свобода»,¹⁰⁷ и в целом отводит народу ведущую роль в политическом противостоянии. Типичным примером также может быть констатация особого свойства народа «быть сувереном» в работе «Легальность и легитимность».¹⁰⁸

---

¹⁰⁴ Коллеж социологии / пер. с франц. Ю.Б. Бессоновой, И.С. Вдовиной, Н.В. Вдовиной, В.М. Володина. Под ред. В.Ю. Быстрова. СПб., 2004. – С.118.

¹⁰⁵ Иванов В. К критике современной теории государства. М., 2008. – С.14.

¹⁰⁶ Генон Р. Кризис современного мира. Издательство "АРКТОГЕЯ"; Москва пер. Наталии Мелентьевой [Электронный ресурс]: Режим доступа:

URL: <http://arctogaia.com/public/guenon/guenon.htm> (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁰⁷ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова. М., 2016. – С. 321.

¹⁰⁸ Там же. С.230.

Этот факт отмечался и критиками К. Шмитта. Например, Юрген Хабермас отмечает непреходящую важность понятия «нации» в процессе принятия политических решений, а также в критике Карлом Шмиттом правового государства.¹⁰⁹

Такого рода утверждения К. Шмитта приводят к тому, что многие исследователи рассматривают его чуть ли не как последователя Ж.-Ж. Руссо.¹¹⁰ Хотя, следует отметить, что Карл Шмитт отзывался о последнем не очень лестно, считая его работы «вульгаризацией Пуфендорфа».¹¹¹

Представляется, что выход из этого противоречия заключается в том, что все вышеописанные труды Карла Шмитта были направлены на анализ Веймарской конституции и служили для того чтобы развести демократию и правовое государство, обосновав тем самым расово-национальную гомогенность народа как неперемненное условие политического единства. Иными словами, все эти заявления были продиктованы спецификой предмета рассмотрения, а не государственно-философской посылкой.

Исходя из всего вышесказанного, можно попытаться создать условное определение субъекта суверенитета с точки зрения Карла Шмитта: суверен – это неотделимо свойственный политическому единству субъект, нетождественный народу, который в силу наличия у него *auctoritas* принимает решение о чрезвычайном положении, т.е. о том, наступил ли крайний случай, кто является публичным врагом, о способах преодоления крайнего случая и о том, удалось ли его преодолеть.

---

¹⁰⁹ Хабермас. Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведев. СПб., 2001. – С.237-239.

¹¹⁰ Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического. // Вопросы философии. 2008. № 9. – С.166.

Афанасьев. В.В. Карл Шмитт: из истории политической мысли [Электронный ресурс] : Режим доступа : URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Afanasev.pdf (дата обращения: 05.05.2016).

О.В. Кильдюшов. Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х. / Шмитт, К. Государство: Право и политика [Текст] / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2013 – С.13.

¹¹¹ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.360. Подробнее об отношении К. Шмитта к Ж.-Ж. Руссо см. Филиппов А.Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии. // Социологическое обозрение. 2009. № 2 Т. 8. – С. 1-30.

III. Демполитизация и нейтрализация. Конец эпохи государств

С точки зрения Карла Шмитта, либерализм стремится нейтрализовать «политическое» посредством снятия интенсивности конфликта, превратить его в дискуссию. Сущность нейтрализации заключается в том, что фокус, на который было направлено внимание и мыслительная активность элиты, смещается в другую область, а прежняя центральная область становится «нейтральной», т.е. перестает вызывать конфликт. В своей работе «Эпоха демполитизаций и нейтрализаций» Карл Шмитт выделяет несколько ступеней, которые прошла европейская цивилизация по пути нейтрализации:

- 1) от теологии к метафизике
- 2) от метафизики к гуманитарно-моральной области
- 3) от гуманитарно-моральной области к экономике
- 4) от экономики к технике.

Каждая из этих областей имеет своего типичного репрезента «духовности и публичности», некоторую «архетипичную фигуру», или, как выражается Карл Шмитт со ссылкой на Жозефа Бенда и Макса Вебера, «*clerc*». В случае теологии – проповедник и теолог, затем – ученый – систематик, после него писатель-просветитель и, для экономики, как центральной области – экономический специалист. Для «века техники» Карл Шмитт не может найти такую «репрезентативную» фигуру. Но, быть может, было бы вполне в духе вышеописанного учения сказать, что этой фигурой мог бы быть «рабочий» в том смысле, в котором о нем писал Эрнст Юнгер.

Либерализм является первичной движущей силой этого движения нейтрализации именно из-за его желания снять конфликт политического. Либерализм стремится к «нейтральной сфере», которая даст возможность найти

«минимум единодушия и общих предпосылок, что делает возможным безопасность, очевидность, взаимопонимание и мир»,¹¹² что, в свою очередь неминуемо должно привести к «вечному миру».

Но, как полагает Карл Шмитт, это невозможно, потому что «диалектика такого развития состоит в том, что именно путем перемещения центральной области постоянно создают новую область борьбы. На новом поле, которое поначалу считается нейтральным, сразу же с новой интенсивностью разворачивается противоположность людей и интересов».¹¹³ Таким образом, движение нейтрализации по своему существу не может снять политическое как таковое, но лишь заставляет его проявляться в других, прежде нейтральных, предметных областях.

Вместе с переменной «центральных областей» меняется и формация государства. «В XIX в. сначала монарх, а затем и государство становятся нейтральной величиной, и здесь, в либеральном учении о *pouvoir neuter stato neutral*, открывается новая глава политической теологии, когда процесс нейтрализации находит свои классические формулы, потому что теперь он захватывает самое главное: политическую власть».¹¹⁴

С точки зрения форм государства развитие движения нейтрализации идет последовательно от абсолютистского государства, через нейтральное государства, представленное правовым государством (государством законодательства), к тотальному государству.¹¹⁵

Именно критике правового государства, а также рассмотрению концепции тотального государства посвящена настоящая глава.

В действительности, немецкий юрист критикует один и тот же феномен – направленный против государства либерализм, просто подходя к нему с разных сторон. Несмотря на то, что эта критика не имеет прямого отношения к вопросу суверенитета, в ней содержатся крайне важные мысли для понимания философии государства Карла Шмитта.

---

¹¹² Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова. М., 2016. – С.366.

¹¹³ Там же. С.366-367.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С.299.

Касаясь этого предмета, в первую очередь следует обратиться к таким работам как «Легальность и легитимность» (1932), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923) и статье «Was bedeutet der Streit um den Rechtsstaat?» (1935).¹¹⁶

Несмотря на то, что статья «Was bedeutet der Streit um den Rechtsstaat?» хронологически написана позже работы «Легальность и легитимность», представляется более правильным рассматривать ее концептуально более ранней по той причине, что в работе «Легальность и легитимность» К. Шмитт критикует уже не правовое государство, а «государство законодательства», которое с позиции автора, является «выродившимся» правовым государством.¹¹⁷

3.1. Критика правового государства в работах Карла Шмитта

Следует сказать, что проблема «правового государства» занимала в то время не только Карла Шмитта. В Третьем Рейхе вокруг этого понятия развернулась целая полемика, на которой следует кратко остановиться.

Конструкт «Национал-социалистическое немецкое правовое государство», или, как его еще называли, «немецкое правовое государство Адольфа Гитлера» часто использовалось в работах немецких юристов, относящих себя к национал-социалистам.¹¹⁸ В их понимании это означало специфическое, чисто немецкое понимание правового государства (*Rechtsstaats-Verständnis*). «Немецкое» означает, прежде всего, отграничение от абстрактного и формального позитивного права и постулирование вместо этого «народного», интуитивного, прочувствованного права, в котором право совпадает с национальным пониманием справедливости.

---

¹¹⁶ Schmitt C. Was bedeutet Streit um den «Rechtsstaat»? Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. Bd. 95. H. 2. (1935), [Electronic resource] : Режим доступа : URL: <http://www.jstor.org/stable/40746756> – S.189-201.

¹¹⁷ Ibid. S. 196.

¹¹⁸ Подробнее об этом см.: Wolfgang Schuller: Der Rechtsstaat bei Carl Schmitt. Der Einbruch der Zeit in das Spiel. In: Rudolf Morsey, Helmut Quaritsch, Heinrich Siedentopf (Hrsg.): Staat, Politik, Verwaltung in Europa. Gedächtnisschrift für Roman Schnur. Duncker und Humblot, Berlin 1997, S. 117-133.

Впервые явно связку «национал-социалистическое правовое государство» осуществил Ганс Франк (Hans Frank)¹¹⁹ и уже позже ее подхватили такие влиятельные юристы как Отто Кёлльройттер (Otto Koellreutter),¹²⁰ Гельмут Николай (Helmut Nicolai)¹²¹ и другие.

Следует отметить, что взгляды этих юристов на проблему правового государства не сильно разнятся между собой. Объединяет их в первую очередь общая трактовка правового государства, как господства особого «немецкого правопонимания», «немецкого правового чувства» и т.п. Так, Гельмут Николай писал следующее: «То государство, которое мы создаем [...] - это правовое государство, государство, в котором германское правовое мышление стоит на первом месте [...]».¹²²

Ганс Франк, в свою очередь, видит «немецкий» характер правового государства не только в верховенстве «немецкой законности», но и в ценностном содержании установившегося правопорядка. Содержание это, по мысли немецкого юриста, заключается в особой «правовой политике Германства (*Rechtspolitik des Deutschtums*)»,¹²³ т.е. в такой правовой политике, которая направлена на укрепление и культивирование уникальной немецкой общности.

Примерно так же на проблему правового государства смотрит и Отто Кёлльройттер. В своей работе «*Der nationalsozialistische Rechtsstaat*» он пишет:

---

¹¹⁹ Ганс Франк (23 мая 1900 – 16 октября 1946) был значительной фигурой в юриспруденции того периода. Он в разное время занимал такие должности как рейхсляйтер НСДАП, министр юстиции Баварии, рейхсминистр юстиции и генерал-губернатор Польши. Он являлся также президентом Германской юридической академии, основателем Института германского права и президентом Международной юридической палаты.

¹²⁰ Отто Кёлльройттер (26 ноября 1883 – 23 февраля 1972) – немецкий правовед и национал-социалист. Вступил в НСДАП 1 мая 1933 года. С того же года декан юридического факультета в Университете Мюнхена. Специалист по государственному и административному праву. После Второй мировой войны прошел процесс денацификации и начал публиковаться уже в 1950 году. Его работы в послевоенной Германии были приняты с симпатией.

¹²¹ Гельмут Николай (8 сентября 1895 – 11 декабря 1955) – немецкий юрист. Воевал в первой мировой войне. В 1920 году участвовал в путче Каппа. Один из разработчиков т.н. «Нюрнбергских законов». В 1935 году был исключен из НСДАП и подвергнут опале в связи с идеологическими расхождениями с высшими чинами Третьего Рейха. Выйдя из плена, продолжил работу юристом в Марбурге, в советской зоне оккупации.

¹²² Helmut Nicolai. Die rassengesetzliche Rechtslehre. Grundzüge einer nationalsozialistischen Rechtsphilosophie. Verlag: München, 1934. – S.23.

¹²³ Hilger Ch. Rechtsstaatsbegriffe im Dritten Reich. Eine Strukturanalyse. – Tübingen.: Mohr Siebeck, 2003 – S. 123.

«Жить в правовом государстве для каждого соотечественника означает чувство принадлежности к единой Государственности, где идея права и ценность права играют господствующую роль».¹²⁴ Идея права, о которой говорит Отто Кёлльройттер, это особое чувство права, доставшееся немцам от их далеких предков.¹²⁵ Оно уникально и самобытно, ее центр – это особое немецкое понимание справедливости и товарищества (*Volkgenossen*). Членами этой национальной правовой общины, таким образом, являются не только ныне живущие немцы, но и ушедшие, и будущие поколения. Здесь точка зрения О. Кёлльройттера сходится с точкой зрения Гельмута Николая, который писал: «Если вы спросите у римлянина, что соответствует праву [...он полезет смотреть свод законов, [...] но древний германец не мог опереться на неупорядоченную государственную власть, но должен был вопрошать свою совесть. Он не мог посмотреть в свод законов, но выводил ответ из правового идеала, который пронизывал всю жизнь общины».¹²⁶

Что касается точки зрения Карла Шмитта на этот вопрос, то он в наиболее яркой форме содержится в статье «Was bedeutet der Streit um den Rechtsstaat?» («Что значит проблема правового государства?»).

В указанной работе Карл Шмитт пишет, что изначально правовое государство являлось полемическим понятием, антонимом (*Gegenbegriff*), используемым в качестве противопоставления «полицейскому государству», «государству произвола» и так далее.

К. Шмитт видит в таком понимании правового государства не более чем победу буржуазного, индивидуалистического духа над правом и государством, подчинение государства праву и победу либерализма. В действительности же «единственные смысловые антитезы правового государства – это такие виды государств, которые имеют иное, нежели сугубо «нормативное» (*«normative»*)

---

¹²⁴ Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/stream/Koellreutter-Prof-Dr-Otto-Der-nationalsozialistische-Rechtsstaat/KoellreutterProf.Dr.Otto-DerNationalsozialistischeRechtsstaat193843S.Text#page/n1/mode/2up> (дата обращения: 20.04.2016).

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Helmut Nicolai: Rasse und Recht. Berlin, 1933, S.10.

отношение к справедливости. Речь идет о Религиозном, Мироззренческом (*Weltanschauungstaat*) или же нравственном государстве (*Sittlichkeitstaat*).¹²⁷ Именно из такого противопоставления вырастает, как кажется Карлу Шмитту, правовое государство. В XIX столетии понятие «правое государство» использовалось исключительно в борьбе с государством, в основе которого лежала религия и государством в том понимании, которое в него вкладывал Г.В.Х. Гегель.¹²⁸

В работе «Легальность и легитимность» Карл Шмитт несколько уточняет понятие «правового» государства и пишет о нем скорее как о «частноправовом»¹²⁹ в том смысле, что либеральное понятие государства «никогда не приводит к подлинно позитивной теории государства и политики», оно существует только как полемическая противоположность, как либеральная критика политики.¹³⁰

Иными словами, в момент своего зарождения правовое государство имело ценностное содержание, вложенное в него либеральными мыслителями того времени. Оно было направлено на нейтрализацию государства со стороны общества, на его ограничение и отделение права от религии и морали. Следствием этого стало «"чисто юридическое" понятие права, которое Рудольф Зом пронизательно обозначил как "Правовое понятие права"».¹³¹

Нейтрализующее воздействие понятия правового государства Карл Шмитт иллюстрирует на примере, как он выражается, «приема», к которому

¹²⁷ Schmitt C. Was bedeutet Streit um den «Rechtstaat»? Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. Bd. 95. H. 2. (1935), [Electronic resource] : Режим доступа : URL: <http://www.jstor.org/stable/40746756> – S. 190.

¹²⁸ Ibid. S. 190-191.

¹²⁹ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.349.

¹³⁰ При оценке этого утверждения стоит учитывать то понимание политики, которое Карл Шмитт выводит в своей брошюре «Понятие политического» и статье «Политика», основные моменты которых описаны в главе II.

¹³¹ Schmitt C. Was bedeutet Streit um den «Rechtstaat»? Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. Bd. 95. H. 2. (1935), [Electronic resource] : Режим доступа : URL: <http://www.jstor.org/stable/40746756> – S. 191.

некогда прибегал в борьбе с христианским государством Фридрих Юлиус Шталь.¹³²

Смысл этого «приема» состоял в комбинировании понятий «христианское» и «правовое государство», результатом которого стал гибрид «христианское правовое государство». Это позволило, как пишет Карл Шмитт, «обесмыслить (*inhaltlosen*) понятие, превратить его в "чисто формальное"».¹³³

Правовое государство, которое прежде мыслилось в противопоставлении к «христианскому государству», таким образом, превратилось из содержательно определенного в бессодержательное понятие. Оно отныне означало уже не некую цель государственного развития, но только лишь способ, вид государственного бытия. Иными словами, оно стало простой функцией.

Отныне правовое государство может быть «национальным», «христианским», каким угодно. При условии, что некое мировоззрение признает нормативизм формальной правовой государственности, оно становится допустимым. «Это означает, что содержание отказывается от самой идеи содержимости (*Inhaltlichkeit*) и отрекается от самого себя как содержания (как религии, мировоззрения, нравственности), становясь лишь чем-то только "юридическим"»,¹³⁴ - пишет Карл Шмитт. И, как следствие вышеописанного, утрачивается какое-либо понятие о предметной справедливости, а правовое государство обращается в «государство законодательства».¹³⁵

Очевидно также, что в этой критике ясно читается выпад в сторону, например, Г. Франка с его «национал-социалистическим правовым государством». Следовательно, приведенная выше позиция может считаться критической не только по отношению к либерализму, но и к «идейным» национал-социалистам в юриспруденции. Сам К. Шмитт, как это ясно следует

---

¹³² Фридрих Юлиус Шталь (1802—1861) — германский юрист и политический деятель еврейского происхождения. Был профессором в Эрлангене, затем в Вюрцбурге, а с 1840 г. В своих работах отстаивал консервативные идеалы своего времени, примат государства и ведущую роль религии.

¹³³ Schmitt C. Was bedeutet Streit um den «Rechtstaat»? Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. Bd. 95. H. 2. (1935), [Electronic resource] : Режим доступа : URL: <http://www.jstor.org/stable/40746756> – S. 192.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ Ibid S.196.

из статьи «Новые принципы для правовой практики», предпочитает говорить о национал-социалистическом государстве как о «справедливом государстве».¹³⁶

3.2. Критика парламентского государства законодательства

Прежде чем обратиться непосредственно к критике государства законодательства необходимо сказать несколько слов о работе «Легальность и легитимность».

Работа «Легальность и легитимность» была опубликована в 1932 году всего за несколько месяцев до прихода к власти в Германии национал-социалистов.

В этой работе Карл Шмитт не только критикует «государство законодательства» как теоретический конструкт, но и, в известной мере защищает его.

Дело в том, что начиная со второй главы указанной работы, государство законодательства теряет свою теоретическую абстрактность и сводится к вполне конкретному государственно-правовому образованию, а именно к Веймарской Республике. Как позже, в 1958 году, напишет Карл Шмитт, «моя работа была отчаянной попыткой спасти президентскую систему – последний шанс на сохранение Веймарской конституции – от юриспруденции, которая отказывалась ставить вопрос о друге или враге конституции».¹³⁷ Он критикует принцип легальности, в том виде, в котором он проявился в конституции Веймарской республики, именно за его возможность «легальной революции», т.е. такой революции, когда «партия входит через дверь легальности, чтобы тут же закрыть эту дверь за собой».¹³⁸

Нетрудно заметить, что похожим образом буквально через считанные месяцы к власти приходят национал-социалисты. Сложно сказать лукавит ли

---

¹³⁶ Шмитт, К. Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. – С.188.

¹³⁷ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова. М., 2016. – С.270.

¹³⁸ Там же.

Карл Шмитт, оценивая так свою работу через столько лет после ее написания. Но, во всяком случае, можно точно сказать, что генеральная часть работы посвящена именно рассмотрению опасностей «чрезвычайных законодателей», среди которых автор выделяет *ratione necessitatis*, или «законодатель по необходимости», *ratione suprematis* или «законодатель в силу превосходства» и *ratione materiae*, или «законодатель в силу обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения», для парламентского государства законодательства, т.е. для Веймарской Германии.

Карл Шмитт стремится к сохранению *status quo*, он пытается в этой работе отвести от Германии удар потрясений, который может быть связан с приходом к власти радикальных партий, и совершенно не обязательно предполагать, что речь идет именно о национал-социалистах. На их месте вполне могли быть и коммунисты.

Так или иначе, некоторая защита государства законодательства со стороны Карла Шмитта, пусть и выраженная в критике и попытке найти роковые противоречия в Конституции Веймарской Германии, все же в работе присутствует.

Однако важно понимать, что эта защита не носит концептуальный характер, она связана не столько с мировоззрением Карла Шмитта, изложенным в его «программных» работах, таких как «Политическая теология», «Понятие политического» и др., но скорее с требованием момента. Этим, как кажется, объясняются теоретические противоречия между работой «Легальность и легитимность» и, например, «Политической теологией».

Концептуальной и особо важной для понимания философии государства Карла Шмитта можно считать, совместно с введением, главу первую указанной работы.

Немецкий юрист вводит следующую типологию видов государств:

- 1) Государство юрисдикции
- 2) Государство администрации
- 3) Государство правления
- 4) Государство законодательства

Все названные типы отличаются друг от друга формой, «в которой предстает последняя инстанция («*dernier ressort*»)), или, что тоже самое, в каких формах и процедурах выступает «решающая политическая воля».¹³⁹ Каждый из названных типов, в свою очередь, отличается типом легитимации и подходит для разного рода внутренне - и внешнеполитических ситуаций.

Для того чтобы продолжить рассмотрение государства законодательства, необходимо кратко охарактеризовать каждый из названных типов.

В государстве юрисдикции последнее слово в процессе разрешения правового спора имеет судья. Кроме того, для данного типа государства характерна ситуация, когда «истинное право, справедливость и разум дают о себе знать в каком-нибудь конкретном судебном разбирательстве, которое не опосредуется никакими заранее предписанными общими нормами и содержание которого [...] не исчерпывается нормативизмом простой легальности».¹⁴⁰ Кроме того, Карл Шмитт указывает, что именно государство юрисдикции больше других похоже на правовое государство. Следует отметить, что в данном случае Карл Шмитт употребляет именно термин «*Rechtsstaat*», а не «*rule of law*». Иное упростило бы объяснение того, как сочетается употребление одного и того же термина и к государству законодательства, и к государству юрисдикции. Представляется, что такое словоупотребление связано со следующим:

- 1) Поясняя, почему именно государство юрисдикции наиболее похоже на правовое государство, Карл Шмитт пишет, что в нем судья может принимать решение *contra legem*, делая ссылку на право как таковое, без оглядки на законодателя. Это наталкивает на мысль о том, что в данном случае «правовое государство» означает не столько ту пустую формальность, которую критикует Карл Шмитт в своих работах,

---

¹³⁹ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова. М., 2016. – С. 173.

¹⁴⁰ Там же.

сколько именно *rule of law* англо-саксонской правовой традиции, или же правовое государство, еще не потерявшее ценностное содержание.

2) Относительно «правового государства» далее Карл Шмитт замечает, что по существу любой из приведенных типов государства может назваться «правовым», если это государство полагает себя призванным к созданию «той нормальной ситуации, когда всякий нормативизм перестает быть обманом». Ведь фраза «правовое государство», как указывает ученый, «так же многозначна, как и само слово "право"». В контексте настоящего рассуждения, Карл Шмитт относится к правовому государству как к ярлыку, которым пропагандисты пользуются чтобы «оклеветать противника, заявив, что он – враг правового государства».¹⁴¹

Верно, следует отметить, и обратное: в современной ситуации любое государство, желающее быть принятым в международном сообществе и, в той же мере, быть легитимным в глазах граждан, не может избежать того, чтобы назвать себя «правовым». Знаменитый «Аргумент несправедливости»¹⁴² Роберта Алекси в этом контексте получает дополнительный оттенок: действительно, ни одно государство не может назвать себя не справедливым¹⁴³ во всеуслышание, тогда бы оно лишилось легитимности.

Государство юрисдикции, как полагает Карл Шмитт, наиболее подходит для сохранения *status quo* и «благоприобретенных прав».¹⁴⁴

¹⁴¹Там же. С.184.

¹⁴²Имеются ввиду следующие строки: «Системы норм, которые не содержат в себе притязания на правильность ни напрямую, ни косвенно, по мнению Р. Алекси, не являются правовыми системами. Так, например, первая статья конституции государства не может иметь следующее содержание: "X является суверенной, федеративной и несправедливой республикой"»: Алекси, Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Лаптев, Ф. Кальшойер. пред., сост. В. Бергманн. науч. ред. Т. Яковлева. М., 2011. – С.44.

¹⁴³Нисколько не оспаривая правильность перевода примера Роберта Алекси на русский, следует отметить, что в оригинальном тексте словосочетание «несправедливой» пишется как «unrecht»(также как и название соответствующей главы: «Das Unrechtsargument»), что в ином значении вполне может быть переведено как «неправовой». Таким образом, не имеет принципиального значения в данном случае идет ли речь у Роберта Алекси о справедливости или о праве в смысле высшей справедливости.

¹⁴⁴Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.177.

Государство правления, в свою очередь, базируется на авторитете, на «высочайшей личной воле»,¹⁴⁵ а государство администрации выражает себя как, по существу, «государство чиновников», отличительной особенностью которого является то, что превалирующее значение имеет конкретная «мера, обусловленная только реальным положением дел, принятая в связи с конкретной ситуацией и обоснованная практической целесообразностью».¹⁴⁶

Оба этих типа государства подходят для радикальных, революционных изменений. Причина такого утверждения Карла Шмитта состоит в том, что с его точки зрения они «усматривают некое особое достоинство в приказании, которое можно сразу исполнить. Они кладут конец речам адвокатов, сопутствующих государству юрисдикции, и столь же бесконечным парламентским дискуссиям государства законодательства [...] Самое лучшее – это приказ».¹⁴⁷

Что касается государства законодательства, то это государственное образование, «подчиненное безличным (и потому всеобщим) и predetermined (и потому рассчитанным на длительный срок) нормативным установлениям».¹⁴⁸ То есть это такое государство, в котором правят «именем закона и на основании закона».¹⁴⁹ Речь уже не идет о господстве власти или авторитета, но только о господстве чистой легальности. Легальность в парламентском государстве законодательства обращается формой легитимности власти. Карл Шмитт, полемизируя с Рудольфом Смендом, пишет, что сам смысл легальности заключается как раз в том, чтобы упразднить специфическую легитимность (будь то легитимность монарха или всенародного референдума), так и «всякий на самом себе покоящийся или высшей авторитет и начальствование».¹⁵⁰ Это высказывание следует понимать с учетом приводимых

---

¹⁴⁵ Там же. С.173.

¹⁴⁶ Там же. С.174.

¹⁴⁷ Там же. С.178.

¹⁴⁸ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.172.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. С.179.

К. Шмиттом чуть позднее позиций Макса Вебера и Отто Кирххеймера, смысл которых сводится к тому, что легитимность и легальность в государстве законодательства совпадают. Власть легитимна потому что легальна, то есть в силу того, что базируется на норме, действует именем и во имя нормы.

В свою очередь, безличное правление нормы и постепенная нейтрализация собственного содержания приводит к внутреннему крушению системы легальности (что является лишь рассмотренным через призму Веймарской Конституции «деградацией» правового государства XIX века, которому был посвящен параграф 3.2. настоящей работы), утере содержания и обращению понятия легальности в исключительно формальное понятие. «Возникает иллюзия, будто легальный путь и легальную процедуру можно открыть для всего, что угодно».¹⁵¹ На практике это выражается в том, что государство законодательство приходит к безличности и самого аппарата правления, который сводится к бюрократии. Это превращает его, как пишет Карл Шмитт, в государство администрации, а затем и в количественно тотальное государство.¹⁵²

Нетрудно заметить, что анализ, проделанный Карлом Шмиттом, очень точно показывает развитие Веймарской республики от государства законодательства до Третьего Рейха. Хотя при написании «Легальность и легитимность», немецкий юрист вряд ли имел ввиду именно национал-социалистов.

Действительно, Карл Шмитт пишет об «экономизации» государства, о склонности государства администрации к планированию. Эти слова скорее относятся к Советскому Союзу, в том виде, в каком его видел сам Карл Шмитт.

Тем не менее, как и предрекал Карл Шмитт, лишенная ценностного содержания легальность, являющаяся сущностным звеном государства законодательства (как в равной степени и «правового государства») привела к возможности прихода к власти в государстве сил, которые отрицали сам принцип парламентаризма и обратили Германию в типичный пример

---

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С.273.

тотального государства администрации (т.е. «тотального государства из слабости» или «количественно тотальное государство»)¹⁵³

Впрочем, в своей статье «Фюрер защищает право» (1934 год), Карл Шмитт дает несколько иную, и это понятно, оценку действиям национал-социалистов. Он пишет о том, что фюрер противопоставил «субстанциональное право», не отделенное от нравственности и справедливости, «пустой законности неистинной нейтральности», которая и погубила Веймарскую Германию. Он справился с внутренним врагом государства, объявив, вследствие угрозы политическому единству, «дело юстиции делом правительства». Фюрер апеллировал, как пишет Карл Шмитт, к «жизненному праву народа»: «любой государственный закон, любой судебный приговор содержит в себе лишь столько права, сколько он получает из этого источника (жизненного права народа. – *К. В.*). Остальное – это не право, а «переплетение позитивных принудительных норм», над которым издевается ловкий преступник».¹⁵⁴

Тем не менее, даже в этом идеологизированном сочинении нельзя не заметить намек на то, что Веймарская Германия превратилась в государство администрации. Ведь «дело юстиции» стало не делом вождя, что сделало бы Третий Рейх государством правления, но именно делом правительства, то есть той самой бюрократии, которая составляет сущность государства администрации.

Вся описанная выше критика парламентского государства законодательства, безусловно, относится и к правовому государству, потому что для Карла Шмитта по существу эти понятия тождественные. Так, определяя связь между правовым государством и государством законодательства, он пишет: «То, что с XIX в. считалось в Европе «правовым государством» на самом деле представляло собой лишь государство законодательства, а точнее говоря – парламентское государство законодательства».¹⁵⁵

---

¹⁵³ Об этом см. параграф 3.3.

¹⁵⁴ Шмитт, К. Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. – С.266.

¹⁵⁵ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 2016. – С. 172.

Критикуя правовое государство, Карл Шмитт критикует, по существу, то понятие государства, в котором господствует безличная норма, безразличная к ценностному содержанию. Можно сказать, несколько видоизменив высказывание Николая Бердяева относительно народовластия, что правовое государство, как видит его Карл Шмитт, «остается равнодушным к добру и злу», оно «терпимо, потому что индифферентно, потому что потеряло веру в истину, бессильно избрать истину», оно есть «крайний релятивизм, отрицание всего абсолютного».¹⁵⁶

3.3. Тотальное государство и тоталитаризм

Некоторые исследователи полагают, что Карл Шмитт «разработал модель всемогущего государства». Речь, по-видимому, идет как раз о концепции Карла Шмитта, известной как «тотальное государство». Однако при всей спорности этого утверждения, которая будет раскрыта ниже, нельзя не отметить, что под «тотальным государством» Карл Шмитт понимал два совершенно различных политических единства.¹⁵⁷

- 1) Количественно тотальное государство
- 2) Качественно тотальное государство

Количественно тотальное государство тотально, потому что слабо, оно старается охватить как можно большее количество общественных отношений. Количественно тотальное государство – это упомянутое выше государство администрации, «склонное к планированию»¹⁵⁸ в области экономики. Представляется, что речь идет именно об этом типе тотального государства, как о завершении процесса «нейтрализации», потому что именно оно с точки

---

¹⁵⁶ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т.1. М., 1994. – С. 465.

¹⁵⁷ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова.. М., 2016. – С. 205.

¹⁵⁸ Там же. С.175.

зрения Карла Шмитта, ведет свое происхождение от государства законодательства.¹⁵⁹

Качественно тотальное государство тотально, потому что не допускает наличие внутри себя анти-государственных сил. Оно совершенно не обязательно охватывает своим политическим регулированием все сферы социальной жизни, оно тотально в том смысле, что обеспечивает «политическое единство» и не допускает его разрушения и разобщение народа. Тотальное государство в качественном смысле имеет прямое отношение к «понятию политического» и является продолжением логики различения друга и врага.

Как было уже сказано, некоторыми исследователя выдвигается положение, согласно которому Карл Шмитт приветствовал как идеал модель «всемогущего»¹⁶⁰ государства или даже «военизированного фашистского государства».¹⁶¹ Представляется, что это настолько же неверно, насколько и утверждение, ставшее, как кажется, общим местом при вынесении оценок К. Шмитту,¹⁶² согласно которому он говорил о «чрезвычайном положении» как о нормальном состоянии,¹⁶³ или о принципиальной «враждебности» его «понятия политического», которая было разобрана выше. К. Шмитт, что особенно наглядно видно в «Политической теологии», исходит как раз из того, что «чрезвычайное положение» - это исключение.

Вся аргументация Карла Шмитта направлена не на то, чтобы дать суверену, кем бы он ни был, безграничные полномочия для террора населения, но на то, если брать именно практическое преломление его работ, чтобы обосновать тот факт, что в ситуации крайней необходимости суверен должен действовать в интересах ситуации, во имя сохранения существующего status quo и правопорядка, даже в том случае, если этот правопорядок должен быть на

---

¹⁵⁹ Там же. С. 347.

¹⁶⁰ Кутарев О.Ю. О соотношении понятия легальности и легитимности в лексиконе юристов третьего рейха // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1 (3) – С. 76.

¹⁶¹ Афанасьев. В.В. Карл Шмитт: из истории политической мысли [Электронный ресурс] : Режим доступа : URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Afanasev.pdf (дата обращения: 05.05.2016);

¹⁶² Сендеров В. А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт. // Вопросы философии. 2014. № 8. – С.172- 173.

¹⁶³ Кутарев О.Ю. О соотношении понятия легальности и легитимности в лексиконе юристов третьего рейха // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1 (3) – С.77.

время остановлен. В этой практике по существу нет ничего тоталитарного, как уже было показано, она была свойственна и республике в виде института комиссарской диктатуры. Более того, сам суверен проявляется только в рамках принятия этого решения. Речь не идет о единоличном правлении в «нормальной ситуации». Суверен присущ любому виду правления. Речь идет только о том, что решение должно быть принято во имя сохранения политического единства.

Тоталитаризм представляет собой достаточно смутное понятие в основном в силу огромного количества работ по его анализу. Так, например, Ханна Арендт связывала тоталитаризм с господством моноидеологии, партийной властью, расизмом, антисемитизмом и атомизацией общества.¹⁶⁴ Тогда как для Карла Шмитта «тотальное» государство означало «целостное», т.е. такое государство, где сохраняется и поддерживается политическое единство. Деление тотальных государств на «количественно тотальное государство» и «качественно тотальное государство» обыгрывает полисемию, скрытую в глубине этого слова. «Тотальность» одновременно означает «целостность» и «всеобщность». И в этом смысле «всеобщим» является «количественно тотальное государство», в котором происходит политизация всех предметных областей, а «качественно тотальным» - просто целостное государство в том смысле, который описан выше.

Безусловно, работы Карла Шмитта периода нахождения у власти национал-социализма несут на себе определенную печать симпатий тоталитаризму. Это особенно хорошо видно по брошюре «Фюрер защищает право»¹⁶⁵ и в произведении «Государственный закон в новом контексте», где Карл Шмитт проповедует идеи расовой гомогенности народа и вождизма.¹⁶⁶

¹⁶⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М., 1996. – С.509 – 568.

¹⁶⁵ Шмитт, К. Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М., 2010. – С.263.

¹⁶⁶ Карл Шмитт. Государственный закон в новом контексте / Традиция. Русская энциклопедия [Электронный ресурс] : Режим доступа:

URL: https://tradio.wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB_%D0%A8%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%82:%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%B2_%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA

Показательна здесь и работа «Левиафан в учении Томаса Гоббса».

В этой работе Карл Шмитт не только выступает с антисемитских позиций, на что обычно обращают внимание в первую очередь, но и оригинально осмысляет государственное учение Томаса Гоббса.

Как известно, с точки зрения Томаса Гоббса, только суверен может наказывать и вознаграждать, только он решает что справедливо и даже более того: только суверен определяет, во что подданные государства должны верить как в чудо, как в волшебство.¹⁶⁷ Тем самым, государственная власть получает высшее могущество, становясь представителем Бога на земле. Этот тезис позволяет некоторым авторам полагать, что Томас Гоббс был апологетом всемогущего государства и предтечей тоталитаризма. Однако в своей работе «Левиафан в учении Томаса Гоббса» Карл Шмитт пишет: «Но в этом месте¹⁶⁸, на вершине суверенной власти, соединяющей религию и политику, в этом во всех других отношениях столь завершенном, неоспоримом единстве обнаруживается изъян. (...) Гоббс в решающий момент отступает».¹⁶⁹ В этом месте Томас Гоббс вносит различие между внешним и внутренним (в виде разделения на внутреннее и внешнее исповедание веры). Т. Гоббс ограничивает сферу власти Левиафана лишь публичной сферой, отдает ему лишь внешнее исповедание веры, а внутреннее оставляет делом индивида. Благодаря этому Левиафан обращается лишь в симулякр власти, «во внешне всемогущую, внутренне же бессильную концепцию власти, которая может обосновано связывать только "обязанностями, к коим вынуждает страх"».¹⁷⁰

%D1%81%D1%82%D0%B5 (дата обращения: 05.05.2016).

167[□]Томас Гоббс Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] : Режим доступа: http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 06.05.2015).

Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В.Кузницына. СПб., 2006 – С.184 и С. 187.

168[□]Имеется ввиду место, в котором Томас Гоббс утверждает, что именно суверену принадлежит решения вопроса о чуде.

169[□]Там же. С.189.

170[□]Там же. С.200.

В связи со сказанным Карл Шмитт выдвигает тезис о том, что Т. Гоббс является не тоталитаристом, но напротив, предтечей буржуазного государства и конституционализма вообще.¹⁷¹

Государство Томаса Гоббса имеет цель своего существования, без которой оно теряет всякий смысл. Эта цель – мир и безопасность, противоположные естественному состоянию. Лишь в силу того, что государство обеспечивает этот мир, оно обладает властью и лишь для этого. Здесь уже не идет речи о «божественном праве королей», которое требует безусловного повиновения. Соответственно, его регулирование оправдано лишь в отношении внешнего поведения людей, лишь в отношении их публичной жизни. Частная жизнь, как уже говорилось выше, остается за рамками полномочий государства.

Из такого разрыва внешнего и внутреннего легко выводится свобода мышления, свобода чувства и свобода мнения (пусть и с оговоркой на общественное спокойствие).

Государство в такой интерпретации обращается простой полицией, которая следит за внешним спокойствием, порядком и безопасностью. А от этого уже становится совсем близко до минархизма и воззрения на государство как на «ночного сторожа», которое не возникает у Томаса Гоббса исключительно из-за его антропологического пессимизма (с успехом преодоленного в этом вопросе уже у Бенедикта Спинозы).¹⁷² Так происходит разрыв между внешним порядком и внутренней свободой, порождающей двойственность между нравственной автономией и юридической гетерономией, который в своем учении довел до завершения Иммануил Кант.¹⁷³

Карл Шмитт преодолевает эту двойственность путем снятия дихотомии внешнего и внутреннего. Суверен, как уже отмечалось выше, своим решением о чрезвычайном положении, снимает дихотомию частного и общественного.

---

¹⁷¹ Там же. С.210.

¹⁷² О близости взглядов Б.Спинозы и Т.Гоббса см.: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В.Кузницына. СПб., 2006 – С.193 и Toennies F. Thomas Hobbes, Leben und Werk, 3.Aufl., 1925. – S.286.

¹⁷³ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В.Кузницына. СПб., 2006 – С.196.

Если именно это «решение» является чертой, которая выявляет суверена, следовательно, именно она и характеризует суверенную власть.

Кроме того, *auctoritas*, как уже отмечалось выше, принадлежит лицу не в силу неких правовых предпосылок, не в силу указания закона, но в силу особенных характеристик самого лица как такового. В отсутствие божественного источника, который доминировал в Средние Века, источником *auctoritas* может быть только «харизма», то есть *auctoritas* – это харизматическая власть¹⁷⁴ в терминологии Макса Вебера.¹⁷⁵ А «...та власть, которую Макс Вебер называл харизматической, связывается с понятием *auctoritas* и определяется в учении о *Führertum* как изначальная и личная власть вождя».¹⁷⁶ В этом смысле суверенная власть не производна от чего-либо, она - «ниспосланная милость».¹⁷⁷

Анализируя сказанное, с логической неизбежностью приходится констатировать, что речь идет не просто о суверенной власти, но о власти тоталитарной, единоличной и «вождистской». А государство, где существует тоталитарная власть, – это, безусловно, тоталитарное государство.

Однако чтобы утверждать, что Карл Шмитт был сторонником именно тоталитарного правления, необходима оценка всего его творчества в совокупности, а не только нескольких работ «нацистского» периода. Сказанное не означает их игнорирование или замалчивание. Но не следует также анализировать исключительно их в ущерб остальному наследию немецкого юриста. Как показал приведенный выше анализ работы «Легальность и легитимность» Карл Шмитт зачастую выступал как сторонник усиления любого режима, при котором ему удалось творить. В этом смысле он, безусловно, являлся продолжателем Жозефа де Местра, для которого любое сильное правление было лучше беспорядка и хаоса.

174[□]Агамбен Дж. Номо Сасер. Чрезвычайное положение / Науч. ред. Л. Воропай. М., 2011. – С.131.

175[□]Что, в сущности, не столь далеко от божественного происхождения. Харизма – от греч. *χάρισμα* - «милость», «божественный дар», «благодать».

176[□]Там же.

177[□]Коллеж социологии / пер. с франц. Ю.Б. Бессоновой, И.С. Вдовиной, Н.В. Вдовиной, В.М. Володина. Под. ред. В.Ю. Быстрова. СПб., 2004. – С.117.

Эрнст Форстхофф (*Ernst Forsthoff*), ученик Карла Шмитта, посвятил тоталитарному государству одноименную брошюру.¹⁷⁸

В этой небольшой работе он продолжает начатое К. Шмиттом развитие концепции тоталитарного государства и противопоставляет его либеральному государству XIX века: «Тоталитарное государство – это [...] государство, противостоящее либеральному государству; это государство с неисчерпаемым внутренним содержанием в противовес содержательно-пустому, автоматизированному [...] и нигилистическому либеральному государству».¹⁷⁹ Тоталитарное государство – это, с позиции Эрнста Форстхоффа, новое государство, оно не имеет внятного обозначения в устоявшейся «либеральной» терминологии и получило название «тоталитарное» лишь в рамках этой самой терминологии.

Нельзя, как представляется Э. Форстхоффу, путать тоталитарное государство и этатизм, потому что «тоталитарное государство не выдвигает требований тоталитарного огосударствления (*Verstaatlichung*), и поэтому оно не имеет ничего общего с механикой марксистского социализма»¹⁸⁰.

По существу, тоталитарное государство в интерпретации Э. Форстхоффа - это политическая общность народа, предполагающая отказ от индивидуализма во имя высших целей и дисциплины. В тоталитарном государстве происходит совпадение народа и государства.

Представляется, что такое понимание тоталитарного государства не до конца совпадает с пониманием К. Шмитта, хотя при более тщательном анализе можно найти множество точек соприкосновения, и стоит чуть ближе к тоталитарному государству (т.е. тоталитарному государству количества).

Следует констатировать, что однозначное отнесение Карла Шмитта к сторонникам тоталитаризма представляет сложности в силу противоречивости его работ разных периодов написания. Однозначно лишь то, что К. Шмитт всегда выступает сторонником сильного государства, которое может обеспечить внутреннее политическое единство, стабильность и порядок. В этом смысле

---

178 Forsthoff E. Der Totale Staat. Hamburg : Hanseat Verl. Anst., 1933 – S.51.

179 Ibid. S.9.

180 Ibid. S.10.

немецкий юрист может быть назван сторонником «качественно тотального государства».

3.4. Порядок больших пространств

Уже в 1932 году К. Шмитт констатирует стремительное устаревание концепции государства.¹⁸¹ Нейтрализация вкупе с разрушением старого межгосударственного права, основой которого стал в 1684 году Вестфальский мир, и переходом к дискриминационному понятию войны,¹⁸² привело к окончательному падению роли государства в международном и политическом смысле. Сейчас стало общим местом взгляд на то, что государство потеряло свое значение как субъект международного права.¹⁸³

Уже в 1939 году Карл Шмитт читает в институте политики и международного права при университете Киля доклад «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил», в котором вводит в науку международного права два принципиально новых концепта, неразрывно связанных друг с другом: понятие «большого пространства» и понятие «рейха».

Родственные правопорядки объединяются для совместного существования вокруг властного центра, создавая, таким образом, блоки или «*Grossraum*», «большие пространства». Такую модель Карл Шмитт описал как «Порядок больших пространств». С одной стороны, она ведет к сохранению относительного *status quo* национальных правовых систем, так как объединение происходит на основе общих политико-правовых ценностей, продиктованных, в частности, общей локализацией, историей и культурой, а с другой стороны, обеспечивает устойчивость во взаимоотношениях на международной арене, так

---

¹⁸¹Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня / Пер. с франц. С. Денисов. М., 2013 – С.157.

¹⁸²Подробнее об этом см.: Schmitt C. Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff. / C. Schmitt. Berlin.: Duncker & Humblot, 1938 - 53 p.

¹⁸³Вольфганг Граф Витцум [и др.]. Международное право / науч. ред. и сост. указ. Т.Ф. Яковлева. М., 2011. – С.4-5.

как ни одно из государств не претендует на звание суверена в силу того, что не обладает для этого должной силой и волей.

Истоки подобной системы Карл Шмитт ищет в так называемой «Доктрине Монро», которая, в отличие от присущего Британской империи «принципа безопасности коммуникаций британской мировой империи», не имеет ярко выраженного экспансионного характера и связана с запретом интервенций.¹⁸⁴

Если «Доктрина Монро» закрепляла безопасность в рамках общего геополитического, континентального порядка, регулировала вопрос невмешательства со стороны европейских держав на американский континент, то «принцип безопасности коммуникаций британской мировой империи», напротив, вторгался в области изначально чуждых Великобритании пространств для проведения своих интересов.

В центре большого пространства (*Grossraum*) располагается держава, служащая осью объединения (*Reich*), но, в отличие от Империи, «*Reich*» имеет резко отличительные черты, позволяющие говорить о том, что он не угрожает национальным правовым системам, или, во всяком случае, угрожает их самобытности в меньшей мере.

В отличие от *Imperium* и *Empire*¹⁸⁵, *Reich* сущностно связан с народом, и не является универсалистским.¹⁸⁶ *Reich* – такой правовой порядок, который, с одной стороны, подчинен определенному мировоззрению, принципу, согласно которому запрещена «любая интервенция чуждых пространству сил», и гарантом которого, с другой стороны, является народ, «который справится с этой задачей».¹⁸⁷ Последние слова – это отсылка к «понятию политического». «Быть гарантом» в данном случае означает быть готовым «различать друга и врага», т.е. быть независимым, суверенным порядком или, иначе говоря, «политическим единством».

---

¹⁸⁴ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum* / Пер. с нем. К. Лощевского, Ю. Коринца. Под ред. Д. Кузницына. СПб., 2008. – С. 495.

¹⁸⁵ Там же. С.529.

¹⁸⁶ Там же. С.544.

¹⁸⁷ Там же.

В итоге, образуется «плюриверсум» из самостоятельных «больших пространств» с рейхами в качестве «центральных осей». Несмотря на то, что государство, как концепция, устаревает, «политическое» сохраняется, потому что в мире сохраняется возможность борьбы, а значит различия друга и врага. Таким образом, *Reich* и Большое пространство представляют собой новый вид политического единства, которое замещает государство. В этом смысле Карл Шмитт последовательно развивает свою концепцию «политического» в условиях новых тенденций в мире. Он, как и прежде, выступает противником «мирового государства», которое бы объединило всех людей по всему земному шару.¹⁸⁸ С его точки зрения это было бы уже не государство, но некое новое, неполитическое объединение людей. Эта мысль была высказана им в «Понятии политического» и с учетом сказанного ее следует подкорректировать: «это было бы не политическое единство, но некое новое, неполитическое объединение людей».

Но дело не только во внутреннем неодобрении. Карл Шмитт не допускает мысли о возможности конца «политического». Для его устранения надо было бы установить господство, которое бы не просто смогло объединить вместе все политические единства, но и удерживать их вместе таким образом, чтобы устранить саму возможность гражданской войны и разделения на друга и врага. Это выглядит утопичным и потому Карл Шмитт не берет в расчет возможность наступления такого состояния. Еще в «Понятии политического» он пишет: «Наступит ли такое состояние на земле и у человечества, и если наступит, то когда, я не знаю. Но пока что его нет. Предполагать его существующим было бы бесчестной фикцией...».¹⁸⁹

---

¹⁸⁸ Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова.. М., 2016. – С.330.

¹⁸⁹ Там же. С. 330.

Заключение

Проделанный анализ концепции суверенной власти в своем историческом развитии, а также в философии государства Карла Шмитта, приводит к следующим выводам:

- 1) Ведущая роль *auctoritas* в определении суверенитета приводит с логической необходимостью к отрицанию «народного суверенитета» в рамках государственной философии Карла Шмитта.
- 2) Решение суверена, которому отдана ключевая роль при определении субъекта суверенитета тождественно решению о «друге» и «враге» в рамках понятия политического в силу тождества «крайнего случая» и «серьезного оборота дел», приводящего к актуализации политического конфликта.
- 3) Было доказано тождество решения о чрезвычайном положении и решения о друге и враге. Это тождество, в свою очередь, привело к осознанию неточности воззрений итальянского философа Джорджо Агамбена, согласно которому чрезвычайное положение представляет собой политико-правовую пустоту, «аномию». В действительности, чрезвычайное положение означает актуализацию «политического», высвобождение полноты власти с целью преодоления крайнего (исключительного) случая.
- 4) Совокупный анализ работ Карла Шмитта приводит к выводу о невозможности его однозначного отнесения к классическому юридическому позитивизму (этатизму), что свойственно некоторым отечественным авторам.¹⁹⁰ Такой вывод базируется на том, что государство является лишь исторической формой политического единства, а не идеалом политического существования народа и единственным законодателем и основой права. Основа права, с точки зрения Карла Шмитта, действительно, лежит вне права, в области

---

¹⁹⁰Афанасьев. В.В. Карл Шмитт: из истории политической мысли [Электронный ресурс] : Режим доступа : URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Afanasev.pdf (дата обращения: 05.05.2016).

политического решения суверена, однако, сам немецкий юрист не считает политическое единство однозначно и абсолютно тождественным государству.

- 5) Критика правового государства Карлом Шмиттом относится исключительно к «нормативистскому» пониманию правового государства и лежит в русле общей критики либерализма и системы «безличной» легальности.
- 6) Отнесение Карла Шмитта к сторонникам тоталитаризма, разделяемое некоторыми авторами, подвергнуто обоснованному сомнению, так как анализ работ немецкого юриста показал, что на этот вопрос невозможно дать однозначный ответ.
- 7) Теория международного права Карла Шмитта приводит к построению так называемого «плюриверсума» или «многополярного мира», что соответствует современным тенденциям российской и мировой политики.

Список литературы

1. Книги

- 1.1. Schmitt C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. – Berlin.: Duncker & Humblot; Auflage: 8, 2004 – 70 s.
- 1.2. Schmitt C. Der Begriff des Politischen. : Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Taschenbuch – Berlin.: Duncker & Humblot; Auflage: 7, 1991. – 124 s.
- 1.3. Hilger Ch. Rechtsstaatsbegriffe im Dritten Reich. Eine Strukturanalyse. /Ch. Hilger – Tübingen.: Mohr Siebeck, 2003 – 249 s.
- 1.4. Forsthoff. E. Der Totale Staat. / E. Forsthoff – Hamburg.: Hanseat Verl. Anst., 1933 – 51 s.
- 1.5. Nicolai H. Die rassengesetzliche Rechtslehre. Grundzüge einer nationalsozialistischen Rechtsphilosophie. / H. Nicolai – Verlag: München, Franz Eher Nachfolger GmbH. 1934. – 59 s.
- 1.6. Nicolai H. Rasse und Recht. / H. Nicolai – Verlag: Berlin, Hopping 1933 – 74 s.
- 1.7. Mommsen T. Römisches Staatsrecht. / T. Mommsen – Leipzig, Vol.1. 1877 –1034 s.
- 1.8. Schmitt C. Constitutional Theory. / Translate Jeffrey Seitzer. – Durham NC, USA.: Duke University Press, 2008 – 489 s.
- 1.9. Агамбен Дж. Средства без цели / под ред. С. Кудрявцева. Пер. с итал. Э. Саттарова. – М.: Гилея, 2015. – 148 с.
- 1.10. Алекси, Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Лаптев, Ф. Кальшойер. пред., сост. В. Бергманн. науч. ред. Т. Яковлева. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
- 1.11. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня / Пер. с франц. С. Денисов. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013 – 192 с.
- 1.12. Антология мировой правительственной мысли : в 5 т. Т. II. Европа: V – XVII вв. / руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.

- 1.13. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
- 1.14. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства : В 2 т. Т.1. – М.: Искусство, 1994.– 1052 с.
- 1.15. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Науч. ред. Д. Новиков. Пер. с итал. М. Велижев, И. Левина, О. Дубицкая, П. Соколов, С. Козлов – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с.
- 1.16. Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение / Науч. ред. Л. Воропай. Пер. с итал. М. Велижев, И. Левина, О. Дубицкая, П. Соколов. – М.: Издательство «Европа», 2011. - 148 с.
- 1.17. Агамбен Дж. Что такое повелевать? / пер. пред. с франц. М. Лепилова. Пер. с итал. Б. Скуратова. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2013. –74 с.
- 1.18. Иванов В. К критике современной теории государства. / В. Иванов. – М.: Территория будущего, 2008. – 160 с.
- 1.19. Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. Учебник. / Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. Гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. – 856 с.
- 1.20. Коллеж социологии / сост. Дени Олье. пер. с франц. Ю.Б. Бессоновой, И.С. Вдовиной, Н.В. Вдовиной, В.М. Володина. Под. ред. В.Ю. Быстрова – СПб.: Наука, 2004. – 588 с.
- 1.21. Вольфганг Граф Витцум. Международное право / Вольфганг Граф Витцум [и др.]. пер. с нем. / В. Бергманн, предс., сост. ; науч. ред. и сост. Указ. Т.Ф. Яковлева. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 992 с.
- 1.22. Фай Г. Археофутуризм / перевод с англ. – Тамбов.: Ex Nord Lux, 2011. – 256 с.

- 1.23. Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению под ред. Б.Б. Авдеева. Серия «Библиотека расовой мысли» / перев. с нем. А.М. Иванова. – М.: Белые альвы, 2006. – 608 с.
- 1.24. Хабермас. Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. / пер. с нем. Ю. С. Медведев. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
- 1.25. Хайдеггер М. Лекции о метафизике / 2-е издание, дополненное / Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкин. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 176 с.
- 1.26. Хайнрих М. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. А.В. Михайловского. – М.: Издательская группа «Скимень», 2012. – 192 с.
- 1.27. Шмитт К. Нотос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / Пер. с нем. К. Лощевского, Ю. Коринца. Под ред. Д. Кузницына. – СПб.: Владимир Даль, 2008. — 670 с
- 1.28. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В.Кузницына. – СПб.: «Владимир Даль», 2006 – С.300
- 1.29. Шмитт К. Политическая теология. Сборник I / Перевод с нем. Заключит. Статья и составление А. Филиппова - М.: .КАНОН-пресс-Ц., 2000. – С. 336.
- 1.30. Шмитт, К. Понятие политического / пер. с нем. А.Ф. Филиппов, Ю.Ю. Коринец, А.П. Шураблёв; под ред. А.Ф. Филлипова. – М.: Наука, 2016. – 570 с.
- 1.31. Шмитт, К. Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд.дом. Гос.ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.
- 1.32. Шмитт, К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. – 448 с.
- 1.33. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю.Серегинной – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 744 с.

2. Статьи

- 2.1. Артамошин С.В. Проблема политического в консервативной публицистике Карла Шмитта / С.В. Артамошин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 7 (75). – С. 350-356.
- 2.2. Деревянченко Ю.И. Политическая теология и правовое государство. Уроки Карла Шмитта. / Ю.И. Деревянченко // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 50-54.
- 2.3. Дмитриев Т.А. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт / Т.А. Дмитриев // Социологическое обозрение – 2012. – №3 т.11 – С. 26 - 40.
- 2.4. Дорофеев Д.Ю. Философско-юридические основания понятия суверенности / Д.Ю. Дорофеев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.– 2009 – № 110 – С. 79–90
- 2.5. Конуров А.И. Суверенитет как политико-правовой феномен. / А.И. Конуров // Армия и общество. – 2012 – № 3 (31) – С. 54 - 59.
- 2.6. Кутарев О.Ю. О соотношении понятия легальности и легитимности в лексиконе юристов третьего рейха / О.Ю. Кутарев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 1 (3) – С. 75 -79
- 2.7. Лапшин К.Н. Миф государства К. Шмитта / К.Н. Лапшин // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 43- 44
- 2.8. Леонов А.С. Государственный суверенитет этимология и предыстория развития концепта/ А.С. Леонов // Государство и право Вестник

Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №3(2) – С. 131 - 135

- 2.9. Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического. / А.В. Михайловский // Вопросы философии. – 2008. – № 9. – С. 158-171.
  - 2.10. Росси Е.А. В границах политического К. Шмитта. / Е.А. Росси // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – 2014 – № 7-2 (45) – С.172 - 175
  - 2.11. Сендеров В. А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт. / В.А. Сендеров // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 167-175.
  - 2.12. Сетов Н.Р. Проблема легальности политической власти в творчестве К. Шмитта / Н.Р. Сетов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2012 – № 4 (24) том 5 – С. 131 - 136.
  - 2.13. Филиппов А.Ф. Техника диктатуры: к логике политической социологии. / А.Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – 2009. – № 2 Т. 8. – С. 1-30.
3. Интернет – ресурсы:
- 3.1. Encyclopaedia Britannica. [Electronic resource]. Режим доступа: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/446579/patria-potestas>
  - 3.2. Марей. А // Понятие власти в средневековой политической теории : ПостНаука. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/31677>
  - 3.3. Bodin. J. Six book of the Commonwealth / Abridged and translated by M. J. Tooley / Basil Blackwell Oxford / Printed in Great Britain in the city of Oxford at the Alden press bound by the kemp hall Bindery, oxford. [Electronic resource]. Режим доступа:

- http://www.yorku.ca/comninel/courses/3020pdf/six_books.pdf
- 3.4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html
- 3.5. Koellreutter O. Der nationalsozialistische Rechtsstaat [Electronic resource]: Режим доступа: <https://archive.org/stream/Koellreutter-Prof-Dr-Otto-Der-nationalsozialistische-Rechtsstaat/KoellreutterProf.Dr.Otto-DerNationalsozialistischeRechtsstaat193843S.Text#page/n1/mode/2up>
- 3.6. Философско-литературный журнал «Логос» – №5(89). – 2012 [Электронный ресурс]: Режим доступа : <http://www.intelros.ru/readroom/logos/lo5-2012>
- 3.7. Toennies F. Thomas Hobbes, Leben und Werk, 3. Aufl., 1925 [Electronic resource]: Режим доступа : <https://ia902702.us.archive.org/4/items/hobbeslebenundl00tngoog/hobbeslebenundl00tngoog.pdf>
- 3.8. Schmitt C. Was bedeutet Streit um den «Rechtstaat»? Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. Bd. 95. H. 2. (1935) [Electronic resource] : Режим доступа : <http://www.jstor.org/stable/40746756> – S. 189-20
- 3.9. Генон Р. Кризис современного мира. Издательство "АРКТОГЕЯ"; Москва пер. Наталии Мелентьевой [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://arctogaia.com/public/guenon/guenon.htm>
- 3.10. Афанасьев. В.В. Карл Шмитт: из истории политической мысли [Электронный ресурс] : Режим доступа : http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_6/Afanasev.pdf
- 3.11. Ермолова И.Е. Отражение «варварской проблемы» в римских правовых памятниках / И.Е. Ермолова // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – 2004 – № 14. – с.132 - 142 [Электронный ресурс] : Режим доступа : <http://elar.uniya.ac.ru/jspui/handle/123456789/2579>